

Любимые

Галия
МАВЛЮТОВА

НОЧИ
СЕВЕРНОГО МАЯ

Любимые

Галия Мавлютова

Ночи северного мая

«ВЕЧЕ»

2020

Мавлютова Г. С.

Ночи северного мая / Г. С. Мавлютова — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Любимые)

ISBN 978-5-4484-8491-9

Сергей Москвин – бывший воспитанник детдома в сибирской глубинке, а ныне стажер спецслужб в Ленинграде. Но вместо погонь и перестрелок ему приходится проводить вечера в богемной компании диссидентов, где царят пьянство и антисоветские разговоры. Приближается эпоха перемен, всеильные органы тщетно пытаются справиться с волной протеста. Создаются отделы по борьбе с неформальными молодежными течениями и преступлениями в идеологической сфере. Сергей не понимает тех, за кем вынужден следить: судьба дала им то, чего в свое время был лишен он сам. А они имеют наглость еще что-то требовать... Но встреча с поэтом Владом Карецким меняет его мировоззрение и переворачивает всю его прежнюю жизнь.

ISBN 978-5-4484-8491-9

© Мавлютова Г. С., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Галия Мавлютова	5
От автора	7
Часть первая	8
Часть вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галия Мавлютова Ночи северного мая

*Благословляйте гонителей ваших;
благословляйте, а не проклинаяте...
никому не отдавайте зло за зло,
но пекитесь о добром перед всеми человеками.
Если возможно с вашей стороны,
будьте в мире со всеми людьми.
Не мстите за себя, возлюбленные,
но дайте место гневу Божию.*

Послание апостола Павла к Римлянам (12, 14–19)

В оформлении обложки использована картина художника Ю.И. Пименов «Работницы Уралмаша дома за чаем»

© Мавлютова Г.С., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Одна молодая девушка рассказала мне о своём друге. Эта история потрясла меня, и потрясла настолько, что я решилась написать книгу о переходном пути человека в другое состояние. Путь этот мучительный и трудный, но герой романа прошёл через все страдания и обрёл себя, и вместе с ним я прошла через все испытания. Я полюбила эту книгу, моего героя и с большим уважением отношусь к его выбору. Все персонажи выдуманы мной, они продукт моего воображения. Прошу не искать аналогий и совпадений. Это тяжёлый труд искательства самого себя во имя высшей цели.

Часть первая

Воздуха не хватало. В комнате вдруг стало нестерпимо душно, несмотря на открытое окно. «Сейчас задохнусь», – подумал Сергей и потрогал узел галстука. Нормальный узел. Не впивается в шею, не душит. Он торопливо опустил руку. Излишняя нервозность всегда бросается в глаза окружающим. Нужно быть осторожнее. А как хорошо всё начиналось! Но произошло что-то непонятное и откуда-то появился страх. Сергей никогда и ничего не боялся, но сейчас над верхней губой неровно забила жилка. Она больно и яростно дёргалась, словно хотела пробиться наружу. Сергей положил на неё палец, чтобы успокоить, но быстро отдернул. Кожа на лице была горячей, как кипяток, при этом внутри всё заледенело. Лёд и жар окутали Сергея плотным коконом. Откуда появился этот страх, леденящий и сжигающий душу одновременно? Сергей с трудом переносил людей, часто они казались ему призраками, но, хоть и с большим трудом, он научился справляться с житейскими проблемами. Люди ничего не замечали. И ровно до этой минуты всё было нормально. Если не прислушиваться к себе, не копаться во внутренностях, разбирая их острым скальпелем, то кажется, что жизнь течёт нормально.

В свои двадцать шесть Сергей Москвин повидал много всякого, многое и пережил, что другим и не снилось. Окружающие чувствовали его внутреннее напряжение, стараясь не заговаривать с ним, обычно обходились короткими разговорами, обрывочными фразами, лающими приветствиями. Москвина устраивал такой расклад. Жилка на губе упрямо колотилась, словно уже вырвалась на свободу, выплясывая бешеный танец. Казалось, она бьётся во всё лицо, разрывая его изнутри на части, хотя он знал, что это не так. Однажды он провёл у зеркала несколько часов, пытаясь понять природу недомогания. Эксперимент закончился неудачно. Сергей так и не понял причину возникновения невралгии, но для себя уяснил, что окружающие не видят, что творится внутри него. Несмотря на внешнее спокойствие, волнение нарастало. Требовалось найти источник раздражения. В комнате было шумно, но чей-то голос, доносившийся из-за стола, заглушал шум, выделяясь из оглушительного калейдоскопа звуков. В нём было что-то удивительно трогательное. Сергей чувствовал, как чужой голос обволакивает его, приводя в непонятное возбуждение. Казалось, он проникает внутрь Сергея и приводит в движение все сто тысяч нервных окончаний. Организм Москвина вибрировал, как заведённый. Сергей невольно прислушался.

– Жизнь мне неинтересна. Я ведь не боюсь смерти! И мне не страшно умереть. Я чувствую, что прожил уже сто жизней. Мне скучно на этом свете. Ужасно скучно!

Красивый юноша с нимбом светлых волос, с ровной и чистой кожей, опрятный, высокий, заметный – высился над всеми, словно приехал из дальних стран, да так и остался в чужом городе, выдавая себя за своего, но при этом оставаясь чужеземцем.

– А потом, после смерти, произойдёт самое главное. Я хочу, чтобы на мою могилу прилетал голубь! Каждый день. И это будет удивительная птица, белый, чистый, светлый голубь! Я буду ждать его каждую секунду, здороваться с ним, разговаривать. Красиво же, правда, ребята?

Сергей вздрогнул. Его прямой душе претил высокопарный тон. Глупости всё это. Какой голубь? Какая могила? Зачем умирать, когда впереди большие и разумные цели? Этот паренёк совсем больной. И вид у него не от мира сего. Залётный фраер какой-то. С юга, наверное. Сергей потёр пальцем щёку, пытаясь унять дрожь. Страх уже прошёл. Внутри было спокойно. Сергей больше не боялся пришельца из чужого мира. Мало ли в городе чужаков? Ленинград – город приезжих. Уже третье столетие сюда съезжается всякий сброд.

– А мне посылку прислали! И я больше не голодаю!

Проникновенный голос то звенел переливчатыми нотами, то снижался до полушёпота, неуловимые вибрации скользили по воздуху, достигая ушей, затем ещё долго звучали певучими отголосками в комнате с высокими потолками.

– Влад, а откуда ты приехал? Кто это тебя посылками балует? – крикнул кто-то, и красивый паренёк завертелся, отыскивая взглядом, кому ответить.

– А из Белоруссии! – с вызовом бросил он. – Сала прислали, картошки. Мамка постаралась. Большую посылку собрала в этот раз.

Влад порозовел от смущения, словно признался в чём-то личном, что принято скрывать от людей.

– А-а! – с уважением взвизгнули за столом. – А-а-а-а, хорошая у тебя мамка! Вот оно что, Владлен! Ты нам ещё что-нибудь расскажи, что-нибудь эдакое, чтоб за душу взяло, а мы послушаем. Ну, там, про могилки и голубей. Про царство мёртвых.

Наступила тишина, как перед грозой. Присутствующие ждали чего-то мрачного, связанного со смертью и ожиданием загробного мира. Сергей дёрнул щекой и понял, что невралгия окончательно утихла, а раздражение прошло. Паренёк совсем пустой. Красивая оболочка, радостный голосок, а внутри зияет пустота.

– А я потом расскажу, потом, – заворковал Владлен, взмётывая копной волос. Он был похож на жеребёнка, такой же голенастый, с ломаными, но изящными линиями, весь в изломах. Наверное, такими и бывают жеребята. В каждом жесте юноши сквозила грация, несвойственная обычным людям. Ещё Владлен напоминал воздушного змея, такой же юркий и неосязаемый, словно вот-вот взовьётся и улетит к небесам, стоит лишь дёрнуть за верёвочку. Но наличие посылки с белорусской картошкой прочно привязывало воздушного юношу к чужому городу крепкими нитями, похожими на морские канаты. Сергей усмехнулся. Воздушные змеи тоже хотят питаться, как все сознательные граждане. Без сала и бульбы им никак. Романтический паренёк его заинтересовал. Сергей незаметно для окружающих пересел поближе, чтобы послушать, о чём ведёт разговоры этот сизый голубок. Воздушный юноша, переменчивый, как птица. Только что был возбуждённым, говорливым – и вот уже умолк, сидит нахохлившись, как настоящий голубь.

– Влад, Влад, ну, расскажи что-нибудь интересное! – звучали голоса со всех сторон, гости тормозили парня, пытаясь развеселиться чужой радостью.

– А я вам стихи читаю! Вот послушайте! Это свежее. Бунинское. Вчера принесли.

Влад глубоко вдохнул и, прикрыв глаза, начал читать стихи.

Стояли ночи северного мая,
И реял в доме бледный полусвет.
Я лег уснуть, но, тишине внимая,
Все вспоминал о грёзах прежних лет.
Я вновь грустил, как в юности далёкой,
И слышал я, как ты вошла в мой дом, —
Неуловимый призрак, одинокий
В старинном зале, низком и пустом.
Я различал за шелестом одежды
Твои шаги в глубокой тишине —
И сладкие, забытые надежды,
Мгновенные, стеснили сердце мне.
Я уловил из окон свежесть мая,
Глядел во тьму с тревогой прежних лет...
И призрак твой и тишина немая
Сливались в грустный, бледный полусвет.

– Где, где ты достал стихи Бунина? Это перепечатка из нового сборника? Из журнала? – вразнойой раздалась женские голоса.

Сергей усмехнулся. Это не вечеринка. Это что-то другое. Как на пиру вампиров. Сейчас людоеды припадут к чувствительному юноше и выпьют всю его кровь.

– Ещё-ещё что-нибудь почитай или расскажи!

Голоса звенели и оглушали. Особенно старались девушки. Сладкие стихи, терпкое вино, холодный вечер в тёплой компании...

– Не знаю, сами рассказывайте, вот хоть вы!

Влад ткнул пальцем в сторону Сергея. Тот вздрогнул. Он сидел по правую руку от странного юноши. В небольшой комнатке было тесно и накурено. Гости постоянно дымили, сбрасывая пепел и окурки в консервную банку. На столе стояло скудное угощение, в центре торчали тарелки с кислой капустой, хлебом и шелухой от съеденной колбасы, над ними высились полупустые бутылки, липкие стаканы, закопчённые чайные чашки. В комнате была кровать, стол и платяной шкаф, занимавший почти половину помещения, в углу примостилась раковина. В открытое окно врвался свежий морской ветер. Гости с удовольствием подставляли под сквозняк весёлые разгорячённые лица. Сергей исподволь, но внимательно осмотрел присутствующих: пятеро студентов, среди них три девушки, обычная молодёжь, спрятавшаяся от пронзительного майского ветра в тесной комнатке коммунальной квартиры. Хозяин комнаты – низкорослый, с испитым лицом, с густыми усами, настолько чёрными, будто их покрасили гуталином. В остальном внешность мужчины смазывалась. Блёклые глаза, белёсые брови, весь невыразительный, незапоминающийся. Не понять, сколько ему лет, о чём он думает, чем живёт, о чём мечтает. И мечтает ли?

– Ну, вы, вы, рассказывайте же! – не отставал от Сергея Влад. – Товарищи, давайте попросим его!

– А расскажите-расскажите-расскажите! – понеслось по комнате. В дверь заглянула какая-то встрёпанная голова и исчезла. Сергей покачал головой. В комнате не по времени шумно, уже второй час ночи. В коммунальной квартире живут разные люди. Многим завтра на работу.

– Товарищ, вы уснули?

Сергей мягко улыбнулся. Если бы можно было заснуть в этом шуме. Молодые люди настроены на ночное веселье, а ему завтра на службу.

– Нет, я не уснул. Я не умею рассказывать. Зато умею слушать!

И все замерли, настолько внушительными показались его слова. В комнате собрались люди моложе двадцати пяти лет. Никто из них и не думал, что можно кого-то слушать и слышать, все хотели говорить сами и смеяться так, чтобы проявить себя и чтобы люди и весь мир узнали, кто говорит. И вот появился человек, который умеет слушать и совсем не умеет рассказывать. Своим признанием Сергей выделил себя из всех. Он не был похож на других. Гости как по команде повернули головы к Владу. А тот не отрываясь смотрел на Сергея как замороженный. В какой-то момент их глаза встретились.

– Вы откуда взялись? Я с вами не знаком! – спросил юноша, и все гости внимательно посмотрели на Москвина. Сергей многозначительно кивнул на белобрысого и черноусого хозяина: мол, вот с кем я знаком. С него и спрашивайте.

– Николай, а кто это у нас в гостях? Мы совсем не знаем этого товарища! – спросил Влад, искоса поглядывая на Сергея.

– Это свой-свой, ребзя, он из наших, – поспешил успокоить гостей хозяин комнаты. Николай уже дважды выпроваживал за дверь беспокойную соседку Варвару, но она, потрясая седыми космами и сбитым набок платком, всё пыталась уговорить развесёлую компанию. Варвара беспокоилась больше всех в многонаселённой квартире – ей скоро вставать, а она ещё не ложилась. Ей было отчего волноваться, она должна успеть на завод к пяти утра. Николай побаивался Варвары. Соседка прославилась на весь район. Её все боялись. Варвара слыла заядлой жалобщицей.

– Может, чайку? – предложил Николай, пытаясь погасить возникшую неловкость.

– Чаю-чаю-чаю! – заорали ненасытные гости, а Сергей посмотрел на часы. На стене висели старые немецкие часы с игривой шишечкой и витыми боками. Часы дважды пробили, после ударов ещё долго и едва слышно звенела пружина. Ровно два часа. Завтра рано на службу.

– Мне пора!

Сергей, не обращая внимания на удивлённые взгляды, не спеша поднялся. Боковым зрением он следил за Владом, а тот исподлобья наблюдал, как Сергей затягивает ремень на брюках. Движения у Москвина точные и выверенные. Точно так все военные поправляют португую. На столе из ниоткуда возник кипящий чайник. Загремели кружки, стаканы, полилась вода. Гости бросили разглядывать странного гостя и переключились на угощение. Кто-то припал к тарелке с пирожками, кто-то стучал сухой воблой по столешнице, и только Влад внимательно следил за выражением лица Москвина, которое менялось, как стекляшки в игрушечном калейдоскопе. Оно становилось то багровым, то сизым, то фиолетовым.

Сергей не хотел уходить. Если бы не на службу, он бы остался. Ему вдруг стал интересен красивый юноша Влад Карецкий. Сергей почувствовал, как возвращается забытое раздражение. Внутри поселилась двойственность, непонятная и необъяснимая. С одной стороны, он получил всё, что хотел от сегодняшнего вечера, с другой – его раздражало всё, что он видел и слышал. Особенно этот паренёк – светлый, красивый и рассыпчатый, как тульский пряник. Влад Карецкий. Станный он, не как все, и сам не понимает, чего хочет от жизни. Посмотришь на других, и становится ясно, чего им надо: да всё то же самое, что и всем остальным. Обычные люди хотят много денег, вечной жизни, ленивого безделья и безудержного веселья. Они хотят быть счастливыми за счёт других. А этот парень не такой, как остальные. Он другой. А какой – сложно разгадать.

От бессилия и непонимания Сергей разозлился. Москвин не любил загадки. Они его раздражали. Сергей всегда хотел жить в понятном мире, где всё живое подчинено разуму, где всё разложено по полочкам и рядкам, да так, чтобы легко было сосчитать, когда понадобится что-либо взять. А этот светлый и улыбчивый юноша не укладывался в ряды. Он не лежал на полочке, легко сбрасывая своё весёлое тело в воздушное пространство, чтобы иметь возможность взлететь наверх в любое время суток. И не важно, от чего улетать, от счастья ли, от любви или от полноты жизни. Лишь бы была возможность взлететь.

Сергей сердито запахнул полы пальто, словно ему стало холодно. Николай виновато заглянул ему в глаза.

– Заглядывай, Серёга, если что!

– Загляну-загляну! Если что...

Москвин рывком открыл дверь и едва не пришиб Варвару, приникшую ухом к защёлке.

– И-э-эх! – вместо извинения произнёс Сергей и широким шагом пошёл к выходу.

– И чего шляются тут всякие! Я вот в домоуправление пожалуюсь! – злобно прошипела вслед Варвара, потирая ушибленное место.

Сергей уже ничего не слышал. Он шёл по лестнице, полами длинного пальто сметая со ступенек окурки, шелуху от семечек, яблочные огрызки. Иногда он брезгливо обходил какой-то хлам, скопившийся на площадках. «Надо позвонить в домоуправление. Совсем распустились! Кругом чистки, проверки, сами очищаемся, а лестницы у нас грязные!» – подумал Сергей, мысленно возвращаясь в тесную комнатку. Перед его глазами возникло лицо Влада Карецкого, оно стояло, как портрет, как фотографическая карточка. Лицо юноши не менялось, оставаясь статичным. Сергей видел каждый волосок в кудрях, нежный пушок на верхней губе, родинку на левом виске. Память услужливо оставила для себя каждый штрих неповторимого и странного лица, а зачем оставила, Сергей не мог понять. И для чего ему понадобился Влад, он тоже не понимал. Внутри снова появился страх, но не тот, обычный, присущий каждому живому существу, а индивидуальный, вросший в Сергея с детства, с того момента, когда он стал пони-

мать и осознавать себя. Москвин сделал усилие над собой, сдавив страх в комок, затем скатал шар, мягкий, почти пластилиновый. А когда шар окончательно размяк, растёр его в ладони и вылил из кулака на землю. Эти смешные манипуляции иногда помогали Сергею справиться с тоскливым чувством, нападавшим на него время от времени. После того, как он вытер мокрую ладонь, ему стало легче. Сергей резко выдохнул и промокнул платком испарину со лба. Ему нечего бояться. В комнатке Николая Гречина он был на задании. Москвин выполнял поручение по службе. Ничего запрещённого он там не увидел. Ничего не заметил. Никого не выявил. Весь вечер Николай был услужлив и неназойлив. Всё строго по инструкции. Всё как положено. И всё-таки невидимая червоточина томила душу Сергея. Он морщился, чувствуя, как бьётся жилка над верхней губой. Кажется, сегодня она разыгралась не на шутку.

* * *

Бывают в Ленинграде майские дни, обильно сдобренные холодным ветром. В такие дни жители города обречённо бредут по улицам, с трудом удерживая себя на поверхности земли. И никто не может объяснить, откуда, из каких краёв прилетает штормовой ветер, сбивающий с ног всё живое и приносящий с собой арктический холод и стужу. Знающие люди говорят, что с Ладоги, но майский ветер бывает настолько свирепым, словно хочет всех убедить, что он прилетел прямиком с планеты бурь. Такие ветры бывают только на Венере и в Ленинграде. Внезапные и оглушительные. Они несут с собой разрушение и поселяют тоску в человеческих душах.

Инопланетный ветер не утихал уже третий день. В газетах методично предупреждали о наводнении. По телевизору ничего не говорили, сухо выдавая скупые сводки погоды. Сергей почувствовал озноб и сходил за кипятком. Он хотел заварить чай, но передумал. Просто выпил горячую воду, чтобы согреться.

В полумраке тесного кабинета светила настольная лампа, прикрытая зелёным абажуром. За огромным столом сидел мужчина и что-то писал, прикрывая написанное ладонью. Металлическое перо громко чиркало, бумага яростно шелестела, словно отрывая неприятные слова, оставляемые суетливой рукой. «Никого рядом нет, а он прикрывается», – усмехнулся Сергей и уселся за другой стол, стоявший у окна. Середина дня, а в кабинете темно. В Ленинграде штормило. С Невы дул пронзительный ветер, зловеще завывающий в вентиляционных трубах. «Воет, как одинокий волк! Запугать хочет. Это не ветер, это боевая сирена! Ничего, зато у нас море рядом», – усмехнулся Сергей.

– Здорово, товарищ Москвин! Как отдежурил? – Мужчина за столом шумно заворочался, бросил писать и пристально уставился на Сергея.

– Всё по инструкции, товарищ Басов! Как вы приказывали, так и сделал!

– А-а, ладно, щас-щас, допишу и поговорим!

Снова заскрипело перо, снова зашуршала бумага. Товарищ Басов во всём любил основательность, он по старинке пользовался автоматической ручкой со стальным пером. Москвин аккуратно расправил сукно на столе, потрогал стопки документов. Всего месяц на службе, а как будто уже десяток лет отбухал. Хорошо, что товарищ Басов рядом. Он много чего подсказывает, поддерживает, не даёт пропасть на службе. А ведь многие товарищи пропадают почём зря. И всё от незнания жизни.

– Ну, рассказывай, рассказывай, как там наша питерская богема развлекается. Этот Николай Гречин – большой шалун! Не так ли, товарищ Москвин?

Басов прищурился и стал похож на Ильича с портрета на стене. Башкирский разрез глаз, хитрые искринки во взгляде, проникновенная теплота в голосе убаюкивает и усыпляет. Москвин яростно заморгал, чтобы не сморило.

– Нет там никакой богемы, товарищ Басов! Одни студенты, да Николай, да я, вот и вся гоп-компания! А, да, ещё две женщины присутствовали. Тоже студентки, видать.

– Как так? Какие студентки, кто такие? – Басов присел на край стола, потрогал прокуренным жёлтым пальцем стопку документов. Москвин невольно сжался, словно он был виноват в том, что у Николая ночью собрались совсем не те гости, на которых рассчитывал товарищ Басов.

– По моим агентурным сведениям, Николай Гречин открыл по месту жительства притон разврата. По ночам у него собираются сомнительные личности, педерасты, шлюхи, проститутки, разные там поэты и поэтки, балеруны. Так?

– Не так, товарищ Басов! Это всё Варвара!

– Какая Варвара? Кто такая? – Басов спрыгнул со стола и прошёлся по кабинету, разминая плечевые суставы. Позвонки угрожающе затрещали, застрекотали, словно штукатурка посыпалась с потолка. Москвин с опаской взглянул наверх. Лепнина сияла первозданной белизной. Сверху ничего не сыплется. Это трещат кости товарища Басова.

– Жиличка в коммунальной квартире. Соседка Гречина. Она ему постоянно стучит в дверь и стены. Жалуется. Вчера опять ругалась.

– Жиличка Варвара тут ни при чём! Сведения поступили от другого лица, более осведомлённого, чем твоя соседка.

Многозначительный тон товарища Басова привёл Москвина в замешательство. Лицо затвердело, остро выступили скулы и желваки. Сергей заглянул в себя, как в колодец: нет ли внутри страха? Нет. Там всё было спокойно. Он способен ответить за свои слова без сомнений и сожалений. Басов получает сведения от одного осведомлённого лица, а Николай Гречин состоит на связи с другим оперуполномоченным. Получился круговорот осведомителей. Все кругом стучат. Но товарищ Басов не знает об этом. Как сказать ему? Скорее всего, этого делать нельзя. Категорически нельзя.

– Товарищ Басов, никакого притона там нет. Питерская богема развлекается в другом месте. У Николая собирается студенческая молодёжь с целью выпивки и отдыха. Он им водку достаёт, а они ему деньги дают за предоставление крыши над головой. Собираются кооперативом и отдыхают. Пожалуй, я схожу туда ещё раз.

Последнюю фразу Сергей добавил вполголоса, надеясь, что Басов не услышит. Напрасно понадеялся. Товарищ Басов услышал.

– Да-да. Сходи-ка ещё раз! – коротко бросил старший по званию Басов. – Но будь аккуратнее. Нельзя, чтобы они тебя расшифровали. Ты на службе, товарищ Москвин!

– Знаю-знаю, товарищ Басов! Будет исполнено!

– А? – Басов приложил ладонь к правому уху. От товарищей по службе Сергей знал, что Басов воевал в Афганистане, в самом начале конфликта угодил в перестрелку и рядом разорвался снаряд. Басова оглушило. Его комиссовали. С тех пор он плохо слышит на правое ухо, а свой недостаток тщательно скрывает от окружающих. Видать, боится, что тугоухость может повредить по службе.

Сергей ухмыльнулся. Что надо услышать, Басов прекрасно слышит. Ветеран службы хочет быть первым среди первых. Это сложно. На службе все хотят быть первыми. А как достичь первенства, никто не знает. Тут все равны. Должность в органах не располагает к доверительным отношениям, но прочитать человека можно. Лицо и глаза всегда на поверхности. Все недостатки человека вылезают наружу, как их ни прячь. Появляются болезни, открываются старые раны. Как ни ходи павлином, люди всё равно разгадают потаённое, тщательно скрываемое от чужих глаз.

Басов убрал руку от уха, сердито потёр пальцами невидимую пыль. Москвин прикрылся рассеянностью, сделав вид, что не понял вопроса.

– А ты не исполняй. Ты служи! Если не будешь служить, ни хрена у тебя не получится! – отчеканил товарищ Басов монотонным и в то же время жёстким тоном, словно приговор огласил, как старший не только по званию, но и по должности. В глубине души он презирал Сергея. Слишком скрытный этот Москвин. Слова лишнего не скажет, опасаясь за каждый чих. К тому же брезгливый до болезненности. Всё носом дёргает. Чужие запахи ему не нравятся. А иногда застынет, как атлант под Эрмитажем. Только в каждом скрытном можно найти тайные помыслы. Их легко разгадать. Такие белоручки долго на службе не задерживаются.

Они смотрели в упор и тайно ненавидели друг друга. И оба думали, что могут залезть внутрь другого, как к себе в карман.

– Я написал рапорт по факту выхода в адрес к Николаю Гречину. Вот, товарищ Басов, прочитайте!

Оба углубились в бумаги. Басов внимательно вчитывался в текст рапорта. Москвин наблюдал за ним, надеясь прочитать по лицу сослуживца хоть какую-нибудь мысль. Лучше заранее подготовиться к худшему. От товарища Басова можно ожидать чего угодно. Служит ряно, аж из галифе выскакивает, лишь бы угодить начальству.

– Хорошо написал. Прямо как Горький! Складно, без ошибок, не оторваться. Как будто ты не рапорт писал, а бульварный роман для буржуев.

– Я перепишу, товарищ Басов! – вскочил Москвин, ощущая, как внутри полыхнул костёр. Всего жаром обдало, словно в печку его засунули. Во рту стало горячо, а рукам жарко. Все знали, что Басов не страдает интеллектом. На собраниях выступает, как будто читает учебник по научному коммунизму. Складно и гладко говорит, но писать не любит. Писанина даётся ему с трудом. Басов каждое слово по пять минут обдумывает, прежде чем положить его на бумагу.

– Не надо! – резким жестом остановил его товарищ Басов. – Это документ! Он характеризует тебя, товарищ Москвин, в том виде, в каком ты присутствуешь здесь и сейчас. А если перепишешь, то это будет уже другой Москвин. Не этот. Иной. Не кипятись! Остынь.

Они помолчали, обдумывая сложившееся положение. Сергей почувствовал, как горит сиденье стула. Да не просто горит – огнём полыхает, словно внизу костёр разожгли. Это от внутреннего жара. На все изменения мира тело отвечает повышенной температурой. Так и сгореть недолго.

– Скоро соберётся партхозактив города, – вполголоса обмолвился Басов. Сергей нагнул голову. Жар медленно спадал. Температура выровнялась. Внутри наступил штиль. И ветер за окном утих. Наверное, улетел на родную планету. У всех полное спокойствие духа. Сергей растянул губы в едва приметную улыбку. Басов не так хитёр, каким хочет казаться. Это хорошо. Если знать слабые стороны оппонента, его легко можно загнать в угол. Зачем Басова загонять в угол, Сергей ещё не понимал, но ему очень хотелось взять верх над упрямым сослуживцем, который и во сне и наяву мнит себя великим полководцем.

– Перед активом нам надо почистить город. Негласное указание руководства главка. Чистки будут и у нас, и в партии, и у старшего брата. Пришло время очищаться от всякой нечисти. Понимаешь, товарищ Москвин?

– Понимаю, товарищ Басов! – воскликнул Сергей и поморщился. Слишком выпреним показался ему собственный возглас, но Басов доверительно улыбнулся. Ему как раз понравился непосредственный выпад Сергея.

– Конечно, чистки будут не такие, как при товарище Сталине. Не громогласные. Не кровавые. С площадей орать не будем. Будем очищаться тихо и без лишних движений. Сами очистимся и город подметём. Наша страна заслужила великую честь жить в сплочённом и организованном государстве, без всякого рода сволочей, которых развелось великое множество. Ты же сам видишь, товарищ Москвин, что творится вокруг? Ну, согласишься, что сволочей у нас много?

– Очень много! – приглушённым голосом поддакнул Сергей. – Очень. Сам вижу.

– Вот тебе и пистолет в руки! Очистишься сам и тогда заработаешь право чистить других. И снова они замолчали, нарочито затягивая паузу. Обоим не хотелось говорить. Любое слово в этой беседе имело косвенное значение. Оно не объясняло ситуацию, лишь запутывало положение вещей и понятий. Басов с усилием подавил гремучую отрывку. Сергей передёрнулся от отвращения и, повернув голову, посмотрел в окно. Темнота закрыла стёкла тугим пологом. Комната отделилась от мира и плотно встала на якорь. Теперь они оба в ловушке, из которой нет выхода. «Вся жизнь – ловушка, – обречённо подумал Москвин, – хоть чем занимайся, всё равно попадёшь в капкан».

Мрачную тишину прервал телефонный звонок. Басов взмахнул рукой, что означало, что он хочет остаться один. Москвин послушно вышел из кабинета.

– Так-так-так! – донеслось из кабинета. – Так-так-так!

Сергей усмехнулся. Говорит, как из пулемёта строчит. Товарищ Басов простой, как правда. Старый коммунист, прямой, бесхитростный, весь на ладони. С ним непросто, зато спокойно. Если с ним поладить, товарищ Басов раскроет все тайны службы. А в ней много гололомок, не каждый разберётся.

Москвин вздёрнул голову и засмеялся. По высокому потолку пробежало гулкое эхо. Сергей прислушался к себе, пытаясь понять, откуда в нём победное настроение. А когда понял, улыбнулся. Впереди грезилась осознанная и толковая жизнь. Все мечты казались близкими и исполненными. Но вдруг Москвин вспомнил о брошенных невзначай словах. Бодрое настроение улетучилось. Сегодня ему предстоит пережить ещё один неприятный вечер в компании бездельников. Что ж, придётся помучиться. Сергей махнул рукой и бодро сбежал по широкой лестнице. Подняв воротник пальто, взглянул наверх. В полуосвещённом окне темнел силуэт товарища Басова. Тот всматривался в тёмную улицу и держал возле уха телефонную трубку.

– А как звать парнишку? – спросил Басов, придерживая трубку ладонью.

– Влад. Влад Карецкий, – неожиданно гулко донеслось из трубки.

– Да тихо ты! – чуть не выругался товарищ Басов. Он оглянулся и посмотрел на дверь. А вдруг там Москвин? Ещё подслушает, а разговор секретный.

– Влад Карецкий. Студент. Педераст. Всем хвастает, что педераст с детства, и гордится этим. Николай его давно знает.

– Вот какие дела, понимаешь! – выдохнул Басов и покачал головой. – Ну что, ты там смотри за порядком-то! Будет что свежее, принесёшь в клюве. А я тут на вахте постою. – Басов осторожно положил трубку на клацнувший рычаг. Потом осторожно, на цыпочках вышел из-за стола и подошёл к двери. Нагнулся, постоял, прислушиваясь, затем резким рывком распахнул, но за дверью никого не было. Басов усмехнулся и вернулся за стол.

– Так-то, товарищ Москвин! – пробормотал Басов и заскрежетал зубами. – Так-то! Педераст он, педераст, твой Влад Карецкий. Педераст! А ты скрыл от меня, гадёныш! В рапорте не указал. Groш цена твоему рапорту!

– Вы что-то сказали, товарищ Басов? – спросил вошедший Москвин. В руках он держал кулёк с пряниками.

– Н-нет, нет, ничего не сказал, товарищ Москвин! Вам показалось.

Басов скривил рот, а Сергей улыбнулся. Он не привык к стремительным переходам товарища Басова обращаться то на «ты», то на «вы» и не научился скалить рот, изображая приветливую улыбку. Он ещё многому не научился. И он это знал. Они углубились в бумаги. Каждый из них двоих думал, что именно он окажется хитрее другого.

* * *

Отшумели первомайские демонстрации, отзвенели праздничные салюты. Город погрузился в трудовую суету, отдыхая после шумных праздников. Прохладная погода не благопри-

ятствовала прогулкам. По вечерам в парках и на улицах города было непривычно тихо. Сергей шёл по вечернему городу и думал, почему так неудачно складываются дела на службе. Всё получается не так, как он хотел. Исполнять чужую волю оказалось неподъёмным делом. Его не радовал предстоящий вечер в компании разудалых молодых людей, не умеющих применить гремящую энергию на полезные дела. Они не умели, да и не хотели учиться жизни. Сергей видел в них не людей, а трутней, тратящих драгоценные часы и дни на пустое проведение времени. Болтаются по городу, меняют адреса, бегут от учёбы и общественно полезной деятельности. Только вот куда бегут, от чего и от кого, не понимают.

Из всех выделялся Влад Карецкий. Сергей много думал о нём. Ему нравилась его редкая красота; она волновала его, но не больше того. Юноша, обладающий необычной внешностью, не являлся личностью. Это было написано на его лице. Сергей не понимал, почему органы так ухватились за Карецкого. Обложили парня, как волчонка, пасут со всех сторон, а тот и в ус не дует. Ходит по блатным хатам и богемным флэтам и направо и налево рассказывает, что он гей. Педераст. Педик. Гомик. Пидор.

Сергей поморщился. Слова-то какие противные. Что уж говорить о людях, которым эти слова предназначены? Нет, не об этом он мечтал, когда пришёл в органы. Как же не повезло ему с назначением! Управление кадров отправило Сергея по разнарядке именно в тот отдел, который разрабатывает статью по мужеложству. Кроме этой статьи в отделе было много других направлений. Наркомания, педофилы, притоны разврата. Иногда Сергею казалось, что все человеческие пороки собрались в одном месте и в одно время, чтобы их учили и распределили по учётным карточкам. В штате отдела были собственные архивариус, специальная картотека, фотограф и спецучёт. Поначалу Сергей хотел сбежать не только из отдела, но и вообще из органов. Ему не понравилась новая деятельность. В средней школе милиции он мечтал бороться за справедливость, то есть участвовать в перестрелках и задержаниях опасных преступников, разбойников, убийц, грабителей, чтобы лично брать голыми руками подонков общества, а его заставили заниматься разного рода извращениями, которых нужно годами пасти, да ещё и проводить с ними все свободные вечера.

Сергей прибавил шаг, чтобы переключиться на что-нибудь другое, но быстрая ходьба лишь усиливала злость. Вечер, проведённый на квартире Николая Гречина, не засчитывался как рабочий. Это время не оплачивалось. И неважно, что Сергей планировал сегодня пойти в театр. Он ещё ни разу не был в театре, но товарищ Басов отшутился: мол, наша работа увлекательнее любого театра. В органах каждый день новые постановки, и никто не знает, кто будет следующим героем. Сергей попытался поправить его, дескать, как же так, ведь героев из картотеки отслеживают, пасут, фотографируют, знают о них всю подноготную, но стушевался и промолчал.

Со старшим товарищем лучше не спорить. Товарищ Басов тратит личное свободное время на обучение нового сотрудника азам оперативного дела. Он возится с Сергеем на добровольной основе, хотя его никто не просил об этом. Товарищ Басов учит Сергея правильно говорить с подучётным контингентом, расшифровывать словечки из уголовного жаргона, приучает молодого сотрудника к дисциплине. Москвин тоже старается. Показывает себя не только прилежным учеником, но и благодарным человеком. Сергей никогда не спорит с Басовым, не огрызается, на все замечания покорно отвечает «есть», «слушаюсь», «так точно». Старательный ученик с помощью учителя пытался полюбить свою работу.

Сергей понимал, что со временем исчезнет новизна, служба станет привычной и превратится в рутину и тогда уже у него самого появится стажёр-оперативник. А сейчас придётся всё терпеть и соглашаться со старшими товарищами. Сергею на многое приходится закрывать глаза. В отделе, где людские пороки подпадают под жёсткую кодификацию, все сотрудники прилюдно называли друг друга товарищами. Товарищ Иванов. Товарищ Басов. Товарищ Петров. Товарищ Москвин. Словно у них не было имён. Словно они поставлены на один пофа-

мильный учёт. Словно все эти люди обезличены и сами подвергли себя жестокой кодификации. Такая неприглядная складывалась картина. И хотя товарищ Басов пообещал, что вопрос с оплатой когда-нибудь будет решён положительно и дежурства по вечерам засчитают как рабочие дни или рассчитаются отгулами, всё равно хотелось выть от тоски.

Сергей хотел сплюнуть, но сдержался. Улица сияла удивительной чистотой. Ни одной бумажки. Ни одного плевка. После майских праздников город тщательно убрали. На улицах малолюдно из-за холодного ветра. Все горожане сидят по домам, сорить некому. Под порывами ветра хлестали полотнища майских плакатов и транспарантов. Скоро начнётся подготовка к морскому параду. Тогда первомайские плакаты снимут и повесят новые.

Сергей присел на садовую скамейку с выгнутой спинкой и прикрыл глаза. И тут же мысленно увидел Влада Карецкого. Лицо юноши прыгало и подскакивало, словно отделилось от туловища. Внутри Сергея что-то вспыхнуло и обожгло, точно вдруг ожил забытый страх. Сергей вскочил со скамейки и торопливо зашагал в сторону дома, где проживал Николай Гречин. Завтра товарищ Басов потребует отчёта о проделанной работе. Придётся попотеть над рапортом, но перед этим необходимо выдержать вечер в компании Влада Карецкого. Чувак снова будет рассуждать о ранней смерти и голубях, огромной стаей летающих к нему на будущую могилу. А вся компания за столом будет заглядывать юноше в рот, чтобы не пропустить ни слова.

Откуда у молодёжи двадцатого века мистические настроения? И это в тот момент, когда партия взяла курс на новый виток развития страны, когда все западные державы готовы в ключья растерзать Советское государство, разделить его на многочисленные республики, предав Советскую страну огню и мечу! Откуда берётся такая молодёжь? Ведь у них есть родители, они выросли в семьях советских людей, получивших от государства бесплатное образование. И сами учатся бесплатно. Почему нет отдачи? Люди должны не только получать от государства, но и отдавать ему. Это закон социалистического общества. Что мешает им наслаждаться жизнью и молодостью? Чего они хотят от жизни? Сергей не задавал подобные вопросы самому себе. Он верил в свои силы, знал, на что способен, чего хочет от жизни и что ему нужнее всего.

Ещё в десять лет Сергей определил для себя цели и задачи. Ему не нужен был поводёр в жизни, а то, что не соответствовало его убеждениям, Сергей небрежно отшвыривал ногой. Всё в этой жизни должно быть разумно и упорядочено. Иначе не стоит жить. Или жизнь приобретёт другую стоимость. Именно по этой причине товарищ Басов вызывал в нём раздражение. И всё-таки Москвин не осмеливался возражать ветерану службы. Басов хоть и не имеет собственного имени – видать, утратил его по дороге жизни, – зато в нём есть твёрдость и непреклонная воля. Сергей прислушался к себе. Все эти мысли отвлекали его от цели сегодняшнего визита к Николаю Гречину. Если не сумел отвертеться от задания, то должен выполнить его с честью.

Сергей упрямо склонил голову и шагнул в парадную. За дверью было темно. Сергей вздрогнул. Его будто окатило ледяной волной. Словно он не в парадную вошёл, а в прорубь нырнул.

– О-о-о, Серёга! – воскликнул Гречин, выглянув из кухни. – Тебе что, Варвара открыла?

Из кухни валил пар вперемешку с нестерпимым запахом. Коридор и кухня густо пропахли прогорклым жиром вперемешку с кислятиной. Сергей потянул носом. Кухня в многонаселённой коммунальной квартире является не только очагом домашнего питания, но и общей прачечной. А ещё клубом по интересам, танцевальным залом, местом для встреч и свиданий.

– Я готовлю, а Варвара стирку затеяла, – виновато вздохнул Николай, – бельё поставила кипятить и исчезла.

– Мне девчонка какая-то открыла. А что, ещё никого нет?

– Щас подгребут! Уже звонили!

Николай весело подмигнул и провалился в кухонный чад. Мимо Сергея прошмыгнула Варвара, за ней рослая девочка, открывшая ему дверь.

– Я пойду в комнату, Коль?

Николай вынырнул из густого чада и согласно кивнул: мол, иди, нечего тут торчать.

– Ты там открой, если услышишь звонок. Мне три звонка. Смотри не перепутай!

Послышался плеск воды, зашумел кран, что-то громко заскрежетало. Москвин передёрнулся. Как можно жить в подобной скученности? Это не жизнь. Это издевательство над жизнью. Сергей прошёл в комнату Николая, по ошибке приоткрыв несколько дверей. Везде одна и та же обстановка: полированная стенка, журнальные столики, низкие кресла. У Николая мебель тридцатых годов, с бору по сосенке собранная по помойкам. Эту мебель бабушка Николая собирала, когда приехала перед войной из Саратова в Ленинград. Старорежимная мебель пережила войну, блокаду и благополучно дотянула до восьмидесятых.

Лишь третья дверь оказалась правильной. Сергей узнал кровать и стол, краем глаза отметил умывальник в углу. Николай хвастал, что под умывальником можно вымыться лучше, чем в Ямских банях. По бокам гигиенического аппарата висели узорчатые дверцы, пирамидальную конструкцию венчал огромный ковш. Глядя на странное сооружение, можно было отказаться не только от похода в баню, но и от каждодневной гигиены. Сергей выглянул в окно и отпрянул, словно его застигли врасплох. Внизу стояли студенты Технологического. Их было всего шестеро, но Сергею показалось, что под окном собралась демонстрация, подобная первомайской. Четыре юноши, две девушки. Среди них Влад Карецкий. Если бы Сергея спросили, почему он испугался, он не смог бы объяснить. Ни людям, ни себе. Он приложил правую руку к левой стороне груди. Сердце бешено вращалось по всей грудной клетке, точно пытаясь вырваться наружу. Раньше такого не было. Обычно сердце работало в нормальном ритме и за пределы привычной орбиты не выходило. Оно всегда билось ровно и без потрясений. Да, всегда был страх, непонятный и странный, но он не доводил сердце до центростремительного ускорения. Сейчас было что-то другое. Не страх. Не беспокойство. И не удивление. Сергей прислонился к дубовому шкафу и сомкнул губы. Ему захотелось спрятаться в шкафу, чтобы никого не видеть и не слышать. Он приоткрыл дверцу, но в это время в комнату вошёл Николай.

– Отличный шкаф, он всех нас переживёт! Серёга, помоги накрыть на стол. – Гречин бросил Сергею буханку хлеба. – Порежь! Возьми тарелки.

Сергей стянул губы в невидимую ниточку. Николай ведёт себя, как завзятый содержатель притона. Командует, приказывает, распоряжается. Нет, он ведёт себя, как распорядитель бала. Только на бал приглашены не те люди. Этим не нужен бал. Им нужен вечный праздник. Причём за чужой счёт. Раздалось три оглушительных звонка.

– Я открою! – Николай швырнул полотенце Сергею, но промахнулся, и оно плавно спланировало на пол. Гречин махнул рукой и умчался в коридор встречать гостей. Москвин поднял полотенце и уселся в единственное кресло, стоявшее в углу возле умывальника. На кровати лежала гитара. Москвин подтянул к себе и, проведя пальцем по струне, услышал хватающий за душу звук. В нём была тоска – злая, выматывающая тоска. Сергей с ненавистью отбросил гитару и поднял руки вверх, точно желая защититься от тоски, чтобы проскочить мимо неё, куда-нибудь улететь, лишь бы она не завладела его душой.

– Проходите, проходите, у нас уже всё готово! – воскликнул Николай, гостеприимно распахнув дверь. Все шестеро прошли гуськом друг за другом, как по команде расселись по стульям и каждый оглядел Сергея. Москвин довольно равнодушно отвечал улыбкой каждому, и только при взгляде Влада ему вновь стало не по себе. Тогда он тронул струну на гитаре. Звук получился другим. Весёлый, слегка дребезжащий, будто хватанувший с мороза стакан водки, звук прокатился по огромной квартире и застыл под потолком у входа, где скопились пыль и паутина.

– А-а-а-а, это опять вы? – воскликнул Влад и схватил гитару, что-то там бренькнул, но, увидев брезгливо перекошенное лицо Сергея, осторожно положил инструмент обратно.

Оба не отрываясь смотрели друг на друга. Влада передёргивало от ощущения вселенской брезгливости, исходящей от Москвина. А тот, не в состоянии справиться с нахлынувшими эмоциями, внутренне подсчитывал, во что ему обойдётся нервный срыв на работе. Товарищ Басов будет недоволен. Своё недовольство старший товарищ переводит в ворчание. Это хуже всего. Чужое ворчание плохо действует на нервы.

Николай прервал паузу короткой фразой: «Все за стол! У нас сегодня картошка с капустой».

– Коля, ты совсем закис со своей капустой, – заныл Влад, – нам бы чего-нибудь покрепче!

– Будет вам и покрепче, и послабже, всё будет, только не спешите, – суетился Гречин, создавая на замызанной клеёнке подобие праздничного ужина. Сергей отстранённо смотрел на происходящее. Коля давно стучит органам. Месяца два назад у оперативников возникла нужда, и они попросили Колю приваждать симпатичного юношу с порочными наклонностями и дали ему номер телефона одной девушки. Именно ей и позвонил чрезмерно услужливый Николай Гречин – лицо без определённых занятий, но с пропиской, обладатель комнаты в коммунальной квартире, коренной ленинградец в третьем поколении. С девушки всё и началось. Сначала она привела одних знакомых, потом других, а позже появился долгожданный Влад Карецкий.

* * *

На галерее Гостиного Двора Николая Гречина знали как старого гомика, давно вышедшего в тираж. Ему уже далеко за пятьдесят, но все зовут его Колей, Колькой, Коляном. Такое обращение унижительно, Коле тыкают, несмотря на его недовольное лицо, заставляют исполнять чужие прихоти и капризы. Гречин услужливый и вёрткий, но знает, перед кем стелиться, как последняя половая тряпка, а кого можно послать куда подальше. Со многими он бывает резок и в такие минуты становится смешным. Плешивая голова с остатками торчащих в разные стороны пегих волос трясётся, старенькие джинсы в обтяжку сваливаются, а светленькая хлопчатобумажная рубашка не первой свежести, наоборот, норовит задраться. И всё это лоснится, блестит, переливается. Коля Гречин много потеет, у него какое-то кислотно-щелочное нарушение в организме. Он борется с этим недостатком, постоянно моется, душится, мажется, но всё равно исходит обильным потом. Руки и рубашка у него постоянно мокрые.

Колю знает весь Невский. На «галёре» он первый среди равных. Свой среди своих. Иногда торгует, чем придётся, чаще просто отирается в поисках новых знакомств. Основной источник дохода – содержание притона, где собираются разные сомнительные личности. От них перепадает неплохие ворованные вещички, которые можно легко продать на галерее Гостинки. Очень редко, опасаясь слежки со стороны участкового, Коля сдаёт комнату любовникам на час-два. Берёт дорого. Сдаёт по рекомендации. Людей с улицы не принимает. Колина жизнь не удалась, но и не распалась на части. Одно лишь тревожило Николая: в него давно никто не влюблялся, никто его не хотел, на свидания не звал, в рестораны не приглашал и деньгами не ссужал. Гречин, считая себя ещё вполне симпатичным импозантным мужчиной, безмерно страдал от человеческой несправедливости. Чтобы избавиться от страданий, он загружал себя всяческой суетой вроде сборов по месту жительства сомнительных компаний, которые искали места, где можно было спокойно проводить свободное время. В стране пропала водка. Партия и правительство усиленно боролись с алкоголизацией населения.

В этот раз компания была вполне себе симпатичная, не сильно пьющая и наркотиками не увлекающаяся. Обычная бездельная молодёжь, бесцельно прожигающая родительские деньги. Ничего особенного. Органы смотрели на тусовочных студентов сквозь пальцы. Группа лиц, систематически прогуливающая занятия в институте, никого не интересовала. Если бы они на

митинги ходили или с плакатами стояли, тогда да, другое дело. Мигом бы всех поставили на профилактический учёт.

Всё шло хорошо, но в спокойную жизнь неожиданно вмешался случай. Органам для какой-то секретной цели срочно понадобился Влад Карецкий. Где-то и кем-то была разработана операция государственной важности, назначены исполнители. С одной стороны, дали задание старому стукачу Коле Гречину, с другой – заслали стажёра Москвина, предварительно проинструктировав обоих. Сергей знал, что Коля является старым агентом, а Гречин, в свою очередь, был осведомлён о деятельности нового куратора. Один был официальным сотрудником, второй секретным. Оба находились на работе, если можно было определить этим словом подобную деятельность. И оба получали зарплату, один поменьше, второй побольше. И Сергей, и Николай ответственно относились к заданию, но жизнь имеет одну странность. Она непредсказуемо вмешивается в любые секретные дела. Вроде всё сложилось, как надо, люди всё рассчитали, вычислили и запланировали, но стоит человеку зевнуть, моргнуть, скривить лицо в приторной улыбке, и вся схема сложной оперативной комбинации летит в преисподнюю на другую планету.

Гречин сразу заподозрил, что Москвина просто тошнит от Карецкого. Сергея при виде молодого человека начинало трясти мелкой дрожью. Казалось, произнеси Влад хоть одно слово, и Сергея вырвет прямо на деревянный пол, выкрашенный бордовой масляной краской. Гречин хотел вывести Сергея из состояния патологического отвращения. При этом Николай совсем не сострадал Москвину. Он не жалел его. Не сочувствовал. Ему было всё равно, что станет с Сергеем, если он сломается и уйдёт раньше времени.

Гречин сам хотел заработать на Карецком. Если удастся угодить органам, они выпишут ему большую премию. А с деньгами всё-таки жить веселее. Хотя бы месяц не нужно думать о куске хлеба. Появится возможность заняться собой, сходить в салон красоты, чтобы сделать педикюр, потом в баню, на рынок, на «галеру». В магазинах города давно нет приличной еды и одежды. Уважающие себя люди ходят отовариваться на Кузнечный рынок и на галерею Гостиного Двора, где можно купить хорошие продукты и модную одежду. Обычно там толкуются все, кто преуспел в этой жизни. Николай был всеядным, он мог есть всё, что лежало на прилавках простых магазинов, но на Кузнечном собиралась вся элита города – валютные проститутки, валютчики, таксисты, официанты, мошенники с «галёры», продовольственные магнаты, пухлые денежные мешки и тузы, не знающие счёта шальным деньгам. Партийная верхушка города и руководство органов снабжались из других источников. Жёны партийных вождей затаривались в закрытых спецмагазинах, а лица, имеющие нелегальный доход, кормились исключительно на Кузнечном рынке. Коля Гречин привык экономить на еде, но ходить в отечественных джинсах ему не позволяло чувство собственного достоинства.

В последний год Коля практически сидел на мели. С деньгами было туго, да так, что зубы сводило. Любовники разбежались; всё, что можно было продать, ушло за бесценок. Влад Карецкий свалился в пустоту отчаяния Коли Гречина неожиданно, как долгожданная козырная карта во время затяжного преферанса. Именно с Владом связывал свои надежды слегка опустившийся Коля Гречин. Он был уверен, что с помощью красивого юноши выберется из надоевшей нищеты. По этой причине Коле хотелось досадить Сергею, чтобы тот не мешал событиям идти своим чередом. Пусть Сергей пишет свой отчёт, а Коля отчитывается иначе. Он уже придумал, как распишет похождения Влада. И всё шло прекрасно, без эксцессов, пока Москвина не затошнило от нервного перенапряжения.

– Серёга, не кисни, лучше познакомься с изумительной красавицей, это Мириам! – Гречин подтащил упирающуюся девушку к Москвину. Мириам сунула ладошку и тут же отдернула руку.

– Какое красивое имя, – озадачился Сергей, не понимая, как могли назвать высокую блондинку с ямочками на щеках столь экзотическим именем. Русское лицо, курносое, задиристое. Ноги длинные, фигура как у богини, всё при всём. Если не сказать больше.

– У меня восточные корни по дедушкиной линии, – мило прошептала Мириам, и аппетитные ямочки весело разбежались по щекам.

– Э-э-э, – ещё больше озадачился Сергей, не зная, что сказать. Он пребывал в мрачном расположении духа. Только сейчас он осознал, насколько нелепым было решение начальства заслать его в притон к Коле Гречину. Сергей не умел поддерживать компанию, был далёк от интересов любой группы. По свойствам характера также был злостным индивидуалистом. «А если бы они были наркоманами! – с ужасом подумал Сергей. – Кстати, в Техноложке их много. Они там всю химию. Пол-института по ночам наркотики изобретает».

– Вот вам и «э-э-э»! – ощерилась Мириам. – Мы вас уже второй раз видим, а вы ни слова толком не сказали. Откуда вы, кто вы, зачем вы?

Сергей приподнялся и рухнул обратно, уткнувшись взглядом в глаза Влада. Юноша смотрел на него так, словно хотел втянуть его в себя целиком, без остатка. Сергей почувствовал, что его затягивает куда-то, как в водоворот.

– Сухой закон, знаете ли. – Он беспомощно развёл руками. – Коля обещал и покрепче, и послабее. Вы же слышали?

– А-а-а-а, так ты из этих, из «синих»? – разочаровалась Мириам и отвернулась. – Коля, наливай!

– Щас-щас, – завертелся Гречин, гремя бутылками и стаканами. Забулькала прозрачная жидкость, остро запахло спиртным.

За дверью послышалось подозрительное шуршание. Все разом обернулись и застыли, словно ожидали увидеть наряд милиции.

– Это Варвара! – успокоил компанию Гречин. – Она любит подслушивать. У нас идёт кровопролитная война! Варька на меня жалобы пишет, с участковым дружбу водит. Он уже приходил, интересовался, где я водкой запасаюсь.

– А где, кстати? – оживилась Мириам, и ямочки на её щеках стали круглыми и заманчивыми. – Вот где ты водкой разжился? Мы весь вечер искали, где бы вина купить, и к таксистам бегали, прям бабками трясли у них под носом, и в кабаки заходили, всё бесполезно. Голый ноль! Город вымирает без алкоголя. Разве в такую холодрыгу в Ленинграде можно прожить без водки? А?

За столом дружно засмеялись. Николай закрыл окно, и в комнате стало теплее. Яркая лампа под розовым абажуром заливала комнату обманчивым светом, который преображал обстановку и людей, делая их красивее, чем в действительности. Мириам и её подруга Наташа выглядели западными моделями. Они не были похожи на комсомолок, озабоченных общественной жизнью института. В модных японских куртках, в дорогих настоящих варёнках, с огромными украшениями на груди, обе словно сошли с обложек модных журналов. Сергей редко встречал таких девушек в городе. Иногда похожие на Мириам и Наташу девушки приходили в отдел, чтобы отметить. Это были валютные проститутки. После этого проститутки долго сидели в отделе и болтали с операми ни о чём. Хоть о погоде, хоть о ценах на бензин в Хельсинки. Иногда проскакивали в туалет. В отделе был всего лишь один туалет, и тот мужской. Один из оперуполномоченных стоял на стрёме, чтобы мужчины не помешали девушкам справить нужду. Проститутки вальяжно выходили из туалета, ещё долго сидели, шумели, смеялись, а затем исчезали. На следующий день приходили другие с теми же повадками и с тем же хохотком. Все они были похожи друг на друга, как сёстры. Сначала отмечались, потом сидели, болтали и бегали в туалет.

Сергей подозревал, что подучётные девушки тайком выпивают с оперуполномоченными, но не пойман – не вор. За руку никого не поймали. Начальство делало вид, что ничего не видит.

Неужели все советские студентки приобрели облик валютных проституток? Сергей вдруг подумал, что девушки, которые приходят в отдел отмечаться, наверное, тоже студентки. Они же днём чем-то занимаются. Иначе их посадили бы за тунеядство. Есть такая статья в Уголовном кодексе.

– Наш народ спивается! Если советские люди будут и дальше заливать за воротник в таких количествах, то русская нация вымрет, – пробормотал Сергей, внутренне содрогаясь, что он произносит не те слова, которые должен произнести. Эти люди пришли к Николаю, чтобы напиться, деньги за это заплатили, а он читает им лекцию по научному коммунизму.

– Наш наро-о-о-од, – передразнила Мириам. – Наш народ всегда пил, пьёт и пить будет! И твоя партия ему не указ! Садись за стол, Серёга! Влад, чего ты молчишь? Почитай нам стихи или расскажи про своё детство. А мы поплачем под водочку. Ах, как я люблю твои сентиментальные рассказы!

Долго и шумно усаживались, стараясь попасть в розовый круг под абажуром. Под ним было спокойно и надёжно. Всем казалось, что за столом собрались хорошие родственники, чтобы отметить семейное торжество. В предвкушении веселья все оживлённо переглядывались. Сергей примостился в тенёчке, за краем круга. Его лицо скрылось в темноте. Так ему легче было перенести тяготы служебного задания. Влад уселся напротив Москвина. Его лицо, освещённое розовым светом, казалось юным и одухотворённым. Сергей старался не смотреть на него.

– Товарищи! – торжественно начал Коля. – Друзья! Мы собрались сегодня, чтобы провести этот холодный вечер в тёплой комнате и хорошей компании. Мы укрылись здесь от житейских бурь и непогоды. Партия и правительство, как заметила Мириам, нам не указ. Мы пили, пьём и пить будем. Ура, товарищи! Выпьем, друзья!

Раздался дружный хохот, звон стекла и стук в дверь. Коля поморщился, но выпил. После этого подошёл к двери и приоткрыл её.

– Варвара, я тебе оставляю, – послышался шёпот. – Оставляю. Налью. Принесу.

– Она водки хочет? – спросила Мириам, когда Коля вернулся за стол.

– Да. Ей компресс надо сделать, – пробурчал Коля и злобно причмокнул губами. Соседку он не любил, опасался, но ни в чём ей не отказывал. Любую просьбу Варвары выполнял. Не из страха, а так, на всякий случай. Мало ли что случится. Не в Европах живём. Разное бывает. А соседка всегда под боком. Если что, можно ей припомнить, что брала и чего не отдала. Коля посидел, поёрзал, затем схватил со стола наполовину опорожнённую бутылку и отнёс Варваре. Та погрозила ему кулаком, но бутылку взяла. Коля покачал головой, то ли осуждая, то ли сожалея об утраченной бутылке, вздохнул и засел в туалете. Варвара не позволяла соседям подолгу находиться в месте уединения. Как только, по её подсчётам, выходил срок пребывания, она принималась колотить в дощатую дверь маленькими, но крепкими кулаками, да так сильно, что с потолка сыпалась штукатурка. Пока соседка была занята бутылкой, можно было наслаждаться тишиной и покоем.

* * *

Тем временем в комнате всю веселились. Мириам и Наташа танцевали, крепко прижавшись друг к дружке. Сергей сидел в тени, чувствуя, как все мускулы лица свело от напряжения. Влад что-то тихо напевал, подыгрывая себе на гитаре. Остальные молча и старательно пили, заливая в себя водку, как в бак для кипячения белья. Сергей всё ждал, когда гости начнут обсуждать несправедливый, по их мнению, советский строй, ругать родную страну, которая их вспоила и вскормила, но гости упрямо наливались водкой, попутно напевая песенки на английском языке. Один Влад не пил. Погружённый в свои мысли, он порывался что-то

сказать, но быстро пьянеющие гости утратили к его выступлениям всякий интерес. Тогда Влад подступился к Сергею.

– Вот ты сидишь, не пьёшь, ты зачем сюда пришёл? Стучишь?

Сергей неопределённо мотнул головой. Кругом одни разговоры, мол, такой-то стучит, и этот тоже, и тот, и рядом с ним тоже стучит. Все разговоры только об этом. Словно жизнь сомкнулась на доносах.

– Нет? Вот и хорошо! – выдохнул Влад. – А мы подумали, что ты стукач. Мы знаем, что Коля стучит мусорам. А куда деваться? Время плохое. Водки нигде не купить. Посидеть негде. В кафе и барах одни спортсмены и валютчики. Никуда не сунешься. А здесь тихо, мусорни нет под боком, а та, которая есть, прикормлена, то есть припоена. А Варвара – она безобидная. Сейчас водки треснет и уснёт. Расскажи что-нибудь о себе!

– Да что рассказывать, – вяло отмахнулся Сергей, – работали с Колей когда-то. Там и познакомился. Мне тоже деваться некуда. Один я.

– Плохо, – чуть не заплакал Влад. – Я тоже один. На всём белом свете. Я бросил. Меня бросили. Меня предали. Но я не предавал. Я жертва предательства. А ты? Ты тоже жертва?

– Н-не-е-ет! – выдавил из себя Сергей. – Я не жертва. Так получилось, понимаешь?

Влад понюхал водку, поморщился и отставил стакан. Сергей ясно видел его лицо. Очерченное светом из-под абажура, оно немного заострилось, черты стали чётче, графичнее. Высокие скулы, прямой нос, широко раскинутые брови и непередаваемый цвет глаз, синий, бездонный, как безоблачное небо после проливного дождя. Сергей сжался и немного отпрянул, чтобы Влад не заметил, что его рассматривают.

– Понимаю! Я всё понимаю. А я пидор! Педик. И горжусь этим. Ты понял?

Москвина слегка затрясло. Он впервые видел человека, с неприкрытой гордостью произносившего непотребные слова. За эти слова можно по роже получить. Тогда вместо смазливой личика будет кровавое месиво. Сергей представил вспухшие раны и язвы на лице Влада, и его ещё больше затрясло.

– Да-да, я пидор! Самый натуральный. И я думаю, что ты приставлен ко мне, чтобы выявить, как я совращаю этих. – Влад брезгливо взмахнул рукой в сторону юношей, резво накачивающихся дармовой водкой. – Не выйдет! Я никого не совращаю! Это меня совратили. Это я стал жертвой обстоятельств и преступления.

Сергей хотел спросить, а кто, собственно, совратил, но вовремя прикусил язык. Задашь вопрос, и этот юнец утвердится в мысли, что Сергей работает стукачом. И он будет не так далёк от истины.

– Я тебе расскажу, как было дело, – прошептал Влад, но в это время в комнату вошёл Николай. Он деловито осмотрелся, прибрал на столе и, толкнув в плечо задремавшего студента, вопросительно посмотрел на Сергея. Москвин отвёл взгляд. Ему не терпелось услышать версию событий от Влада, но момент был неотвратимо упущен. Студенты зашевелились, Мириам оттолкнула Наташу и с визгом плюхнулась Владу на колени. Сергей оцепенел, ожидая, что Карецкий столкнёт с колен нахальную девицу, а та по привычке завизжит, но всё было тихо. Мириам принялась нащёптывать Владу что-то нежное, уткнувшись ему в ухо. Её глаза горели, как два уголька. Странно было видеть эти горящие глаза. Словно костёр уже погас, а два угля всё продолжали гореть, сжигая неизрасходованный запас энергии. Влад нежно прижимал к себе стройное девичье тело. Сергей подумал, что Мириам, в отличие Наташи, не накачивалась алкоголем, а лишь делала вид, что выпивает. Влад засмеялся и тоже уткнулся в ухо Мириам, что-то шепча ей в ответ. Они засмеялись общей тайне.

– Где больше двух, говорят вслух! – провозгласил Коля и вытащил ещё одну бутылку.

– «Андроповка»! – завопили пробудившиеся студенты, а Мириам спрыгнула с колен Влада. – Где достал?

– Где достал, там уже нету, – напустил туману Николай и разлил водку по стаканам. Все загалдели, засмеялись, стали чокаяться. Сергей потихоньку пробрался к двери. Он думал, что никто не заметил, как он ушёл, но ошибся. Все видели, как он уходил. Никто не прервал выпивку, никто не отставил стакан, чтобы попрощаться с ним, но каждый из присутствующих посчитал количество шагов от стола до двери, которые сделал Сергей Москвин. Двенадцать шагов. Когда дверь закрылась, все вздохнули с облегчением. Именно так вздыхают, когда умирает безнадежно больной человек, лежачий, годами томившийся в постели, замучивший всех, кто за ним ухаживал. Общий вздох был заглушён звоном стекла. Это гремели стаканы, которыми чокались за столом. Свежая водка оказалась вкусной.

* * *

В отделе было подозрительно тихо. Дежурный дремал на низеньком диванчике у окна. Телефонный аппарат стоял на полу. Сергей хотел поздороваться с дежурным, но тот неожиданно всхрапнул, и приветствие пришлось отложить до лучших времён. В кабинете, скрючившись в три погибели, сидел товарищ Басов. Издали он был похож на карлика. Сергей удивился способностям сослуживца: это надо же было так скрутить огромное тело, что оно трижды уменьшилось в объёме! Тихо прошептав своё неуставное «здрас-сте», он прошёл за свой стол.

– Не «здрас-сте», а «здравия желаю, товарищ капитан»! – взревел товарищ Басов и вырос из карлика в исполина. Казалось, он реет под потолком, настолько оглушительно звучал его голос.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – воскликнул Сергей и тоже уменьшился в размерах, превратившись в эмбрион. Но больше всего ему сейчас хотелось стать человеком-невидимкой.

– Ты почему опоздал, гадёныш? Думаешь, никто не заметит, что ты притёрся к органам?

Басов продолжал реять в вышине, а Сергей боялся поднять голову, чтобы не вызвать новую волну гнева.

– Почему – притёрся? Я был вчера на квартире у Коли Гречина. Всё видел. Всё записал. Вот здесь, в рапорте, изложил. И время указал.

Москвин слушал и не верил, он говорил непослушным языком, одеревеневшим не от страха, а от изумления. Никто и никогда с Сергеем так не разговаривал. Теперь разговаривают. Надо привыкнуть. Иначе не выжить. Но без привычки было трудно.

– Как ты разговариваешь со старшим по званию и должности? Ты! Ты! Гадён-н-ныш-ш-ш-ш. – Последнюю букву Басов угрожающе прошипел, выпуская из себя свистящий воздух.

Москвин с тоской наблюдал за сослуживцем. Товарищ Басов в первый раз предъявил истинное лицо – звериный оскал, подгнившие зубы и редкие усы, слипшиеся от накопившейся в углах перекошенного рта пены. Не лицо, а паспорт. Служебное удостоверение сотрудника органов внутренних дел.

– Ты что, думал, я ничего не узнаю?

Сергей поднял брови, но продолжал молчать, надеясь, что Басов всё-таки успокоится.

– А я всё знаю, я не дурак. – Товарищ Басов неожиданно обрёл равновесие. Сел за стол и упёрся ногами в подстолешник, положив руки на кипу исписанной бумаги.

– Всё знаю! А ты не хитри!

Если долго молчать, в горле закипает комок. Он подкатывает к глотке, норовя вылезти наружу. Сергей боялся сглотнуть. Вдруг глотка выдаст непристойный звук. Сейчас каждое лыко в строку. Басов только и ждёт, когда Сергей допустит промах. Любой жест, любое слово способно вызвать у него новый взрыв ничем не оправданной ярости.

– Ишь чего удумал! Хитрить начал, – ворчал Басов, елозя ногами по подстолешнику.

– Результаты наблюдения я изложил в рапорте. – Сергей почувствовал, что ему необходимо прервать молчание. Иначе весь день будет испорчен. Если Басов заведётся, то это надолго.

– Что там у тебя?

Товарищ Басов встал, подошёл к столу Москвина и, выдернув лист бумаги со стола, пробежал глазами по тексту и швырнул рапорт на пол.

– Ни имён, ни фамилий, ни кличек, ни цели сбора сомнительных личностей. Они ворванными вещами промышляют. Наркотой балуются. А у тебя всё чисто. Чем ты там занимался в течение пяти часов? Чем, скажи, пожалуйста?

Басов потоптался по рапорту и растёр его ботинком. Сергей вспыхнул. А ведь товарищ Басов прав! Те четверо студентов остались безымянными. Нет фамилий у Мириам и Наташи. И непонятно, зачем они собрались у Коли Гречина. Что их связывает? Сколько они заплатили Коле за гостеприимство? Москвин прикоснулся пальцем к правой щеке. Неужели придётся подставить левую? На лице выступила обильная испарина. Товарищ Басов кругом прав. Он прав в своём гневе, в ярости, в упрёках и замечаниях. Это реакция на служебный прокол молодого специалиста. Нет результата, нет службы. Даром проведённое время в стаж не засчитывается.

– Скоро приедет Герман Викторович, пойдём к нему, – вполне миролюбиво заключил товарищ Басов. – Пусть он с тобой разбирается. Он тебя на службу брал. И он за тебя отвечает. Двuruшничество у нас не приветствуется. А ты, Сергей Москвин, двuruшник!

Сергею хотелось крикнуть: «Нет, я не двuruшник», – но язык прилип к нёбу. Товарищ Басов тоже замолчал. Так они и сидели в ожидании приезда начальника отдела. Тот был самым главным судьёй в служебных разбирательствах. Герман Викторович умел понять обе стороны. И всегда у него получалось, что все правы, а виноватых нет. Нет такого понятия, как вина конкретного человека, зато есть обстоятельства, которые руководят им. А раз создавшиеся условия диктуют сотруднику поступки и действия, тогда и спрашивать нужно с условий и обстоятельств, а не с человека. Товарищ Басов уткнулся в бумаги, а Сергей Москвин молча привыкал к новому статусу. Впервые его назвали двuruшником. Да он такое слово впервые слышит. Лучше бы его Басов обматерил.

* * *

В коридоре послышались торопливые шаги, сначала быстрые и ходкие, затем бегущие, за ними топающие и стучащие. Оживлённое движение дверью означало, что в отдел приехал сам начальник. Вскоре послышались голоса, затем крики. Шум и гвалт приближали полдень. Сергей ждал, когда товарищ Басов выйдет за дверь. Тогда можно будет вдохнуть полной грудью и проглотить, наконец, горький комок, застрявший в горле. Басов тоже ждал, когда утихнет беготня, когда сотрудники отдела усядутся за письменные столы, разведутся по заданиям и задержаниям.

Вскоре в оружейке заклацали стволы, запахло горелым: видать, кто-то неудачно вооружился. По коридору пробежало ещё одно стадо слонов, и всё стихло. Отдел вошёл в рабочее состояние. Товарищ Басов резко поднялся и вышел из кабинета. Сергей запрокинул голову и проглотил едкий комок. Это была застоявшаяся обида на всё человечество. Всё, что делал Сергей, пролетало мимо ворот. И он не знал, как изменить ситуацию. Что нужно сделать, чтобы понравиться сослуживцам, чтобы Басов не точил клыки, глядя на него? От бессилия заныло в желудке. Сергей любил чёткий распорядок во всём. Раннее пробуждение, личная гигиена, занятия гимнастикой, завтрак, транспорт – всё утро расписано по минутам, чтобы вовремя успеть на службу. В течение дня работа по плану. На каждый день есть свой план. Сергей Москвин составляет планы на день, неделю, месяц, год. Он приучил себя жить по расписанию.

Тогда жизнь становится упорядоченной и приобретает смысл. И будущее становится реальностью, а не пустыми мечтами.

А здесь свой устав. Половина отдела является на службу к полудню, начальник чуть позже, объясняя тем, что был в управлении. С двенадцати дня отдел оживает. На приём к начальнику приходят какие-то люди, оперативники с непроницаемыми лицами запираются в кабинетах с подозрительными гражданами. Чуть позже в отдел налетает разодетая в пух и прах и надушенная стайка валютных проституток. Стаю разбивают на части и разводят по кабинетам для серьёзных бесед.

К десяти вечера помещения отдела пустеют. Остаётся один дежурный с телефонным аппаратом на груди. Это не образное выражение. По обыкновению, дежурный ложится на диван, при этом аппарат он ставит себе на грудь. Связь для отдела имеет первостепенное значение. Если оперативники работают ночью, дежурный должен первым поймать звонок тревоги, затем передать его в управление. Это в критическом случае. Если же всё проходит нормально и никто дежурному не звонит, он спокойно себе кемарит до самого утра. Иногда до полудня.

Отдел находится на отшибе, у чёрта на куличках. Управление сконцентрировано в Большом доме, отдел же вынесен за пределы центральной части города – во избежание утечки информации. Подразделение управления закрыто и засекречено в связи с тем, что некоторых составов преступлений, находящихся в оперативном сопровождении отдела, в Уголовном кодексе нет. Нет статьи – нет преступления. Это если смотреть на мир под правильным углом, но кривое зеркало подсказывает, что, несмотря на отсутствие статей в Уголовном кодексе, в Советской стране по данному составу преступники имеются и преступления ими систематически совершаются. К примеру, проституция в Советской стране отсутствует, но проститутки есть. Они существуют. Процветают. И каждое утро являются на отметку. Есть разные виды проституток: уличные, валютные, вокзальные. Государственная статистика их укрывает. Получается двойной обман. Тройной. Пятерной. Квинтет. Сергей вздохнул. С этим квинтетом придётся смириться, иначе уволят из органов. А как тут смиришься, если товарищ Басов со свету сживает?

– Тебя там начальник вызывает! – резко выдохнул Басов и с шумом обрушил грузное тело на шаткий стул, притулившийся у двери. Тот яростно заскрипел, жалуясь на разнесчастную жизнь.

– Чё сидишь? Бегом! На цирлах!

От жуткого крика заложило в ушах, а в левой стороне груди противно заныло. «Чего орёт как резаный?» – подумал Сергей и рывком поднялся, чтобы не засиживаться. Если упустить момент, свои семьдесят килограмм он не поднимет никогда. Вес небольшой для молодого мужчины, но неподъёмный, если речь идёт о продаже души. Тяжело продавать душу. Во все времена тяжело. Сергей, упрямо склонив голову, подошёл к деревянной стойке, за которой сидела единственная женщина в отделе по имени Наташа. Она числилась делопроизводителем, а по совместительству служила жилеткой для слёз страдающих оперативников, иногда их постельной принадлежностью. Роли менялись в зависимости от обстоятельств.

– Доброе утро, Наташа! Вызывал? – Сергей кивнул в сторону кабинета начальника.

– Вызывал-вызывал, – сказала Наташа и вздохнула. Она старалась не смотреть на Сергея. Наташино сердце разрывалось от жалости. Девушке очень нравился симпатичный мизантроп высокого роста с галантными манерами. Оперативники смеялись над ним, но исподтишка. Особенно всех веселил тот факт, что Москвина посадили к товарищу Басову. Старого ветерана недолюбливали и втихую называли старым бериевцем, а потому всячески избегали и в компании не приглашали. Товарищ Басов держался особняком, ему не нравилась молодая порось оперативного сообщества.

Так они и жили в атмосфере взаимного недоверия, пока в отдел не прислали Москвина. Никто из оперов не захотел сидеть со стажёром. Тогда Герман Викторович определил Сер-

гея на стажировку к Басову. А что оставалось делать? Куда-то нужно было запихать молодого специалиста. Вот и посадили к старшему товарищу, служившему ещё при Сталине. Человек все режимы пережил. Всех вождей похоронил. Только за это его можно было представить к ордену, однако не представили. Так и сидел бы товарищ Басов в гордом одиночестве, но тут появился новенький. И старый служака вволю отыгрывался на молодом сотруднике. Он измывался над Москвиным целенаправленно и систематически, наслаждаясь моментом, что ему во власть попал неопытный и неокрепший воробей. И так случилось, что поначалу Сергей упустил возможность стать своим в коллективе, а назад дороги уже не было. Наташа ещё раз вздохнула. Она не знала, чем помочь тонкому и ранимому стажёру Москвину.

– Идите-идите, Герман Викторович ждёт вас, – прошелестела Наташа и кивнула на обитую коричневым дерматином дверь.

– Так я пойду? – спросил Москвин и беспомощно застыл, колеблясь между двумя жгучими желаниями. Одним из них было юркнуть за дверь и, промчавшись мимо сонного дежурного, сбежать по лестнице напрямик в пустынный переулок, а вторым и более человечным оставалось желание пожать доброй Наташе её ладошку, мягкую и тёплую. Сергей уже протянул руку, но спохватился и схватился за дверную ручку. Наташа ободряюще улыбнулась. «С Богом!» – многозначительно прошептала она. Сергей оглянулся, и Наташа увидела, что он словно окосел от ужаса. Левая сторона лица слегка опустилась, а правая приподнялась. Она жалобно сморщилась, в это время из открытой двери послышалось грубоватое: «Да входи ты, входи, наконец!»

И Сергей решительно переступил черту, отделяющую нормальную жизнь от ада. В нормальной оставалась Наташа с доброй улыбкой на простоватом лице, твёрдые принципы и строгие правила, а в аду жили товарищ Басов и Герман Викторович Петров. С людьми все могут жить. С демонами сможет не всякий. В этом мире выживает сильнейший. Дверь с грохотом захлопнулась. Позади раздался протяжный всхлип. Это заплакала Наташа.

* * *

Массивная мебель надвигалась на посетителя, угрожая обрушить на него всю мощь лишь за один неверный шаг. Или за невзначай сказанное слово. Всё огромное, топорщащееся, агрессивное. И живое. Мебель дышала, смотрела и угрожала. Стол набычился, диван нахмурился, картина на стене агрессивно зазывала в нарисованный мир. Сергей огляделся. Ему казалось, что он попал в мир одушевлённых предметов. Всё здесь было живым, и всё старалось подавить вошедшего. В какой-то момент он почувствовал, что диван медленно надвигается на него, чтобы раскатать в тонкий лист наподобие бумажного. Толстобрюхое чудовище в один миг превратилось в асфальтовый каток, обладающий характером и желаниями.

– Наслышан-наслышан о ваших подвигах! – воскликнул Герман Викторович, выглядывая из-за огромной стопки бумаг. Владелец громового баса не соответствовал внешнему облику. Начальник выглядел тщедушным подростком. Маленькие ручки, скошенная набок голова, узенькие плечи. Ничтожные размеры хозяина кабинета и объёмы массивной мебели вконец подавили волю Сергея. Столь резкий контраст угнетал, отнимая способность полноценно парировать удар.

– Мы вас взяли в отдел, чтобы использовать вашу неопытность в оперативных целях. Преступный мир вас ещё не знает. О вас никто ничего не слышал. Вы нигде не засветились. Я предложил ввести вас в сложную разработку с целью выявления преступного элемента. И что же я получаю в ответ? А?

Герман Викторович привстал и стал ещё меньше размером, словно его сдули, как воздушный шарик. Сергей боялся посмотреть в его сторону, чтобы не засмеяться. Смех мог стать лекарством от страха, но смеяться в этом кабинете запрещено по уставу. Здесь не смеются.

Здесь только плачут. Внутренне, разумеется. Сергей представил, сколько оперативников прошло через этот кабинет. Наверное, они так же боялись Петрова, как в эту минуту боялся он. Маленький человек за дубовым столом обладал огромной властью над судьбами и душами людей, приписанных в штатную структуру отдела.

– Не слышу! Вы что-то сказали?

Петров упал в кресло и задумался. В кабинете повисла тягучая и вязкая тишина, прерываемая звонким цоканьем секундной стрелки в настенных часах.

– Так-так-так! Молчим! А ты знаешь, Москвин, что статья за мужеложство была отменена сразу после революции? Целых 17 лет гомики наслаждались свободой от законов и справедливого наказания. Семнадцать лет пролетели как в сказке. Они устраивали притоны разврата, свадьбы, они женились и разводились. Когда гомики вышли на улицу и стали совращать детей, их снова загнали в рамки закона. Общество запросило для них справедливого наказания. Мужеложство – страшное преступление. Прежде всего тем, что в его сети втягиваются дети и подростки. Их легко совратить, заманить, купить, в конце концов! Ты же на их стороне, Москвин?

– Нет-нет-нет! – встрепенулся заледеневший от страха Москвин. – Нет, товарищ Петров! Нет. Не на их. Я на вашей.

– Можешь называть меня по имени-отчеству, – милостиво разрешил Петров. – Вижу, что ты наш, всей душой наш, но есть в тебе что-то мерзопакостное, Москвин. Опера тебе не доверяют. Они не хотят с тобой работать. В разработке ты полный ноль. Что мне с тобой делать, Москвин? Куда пристроить? Ты же ничего не умеешь делать! И учиться не хочешь. Наша работа – это не просто работа в одну смену. Мы не завод. И не фабрика! Мы должны думать головой. В нашем деле требуются интеллектуалы. Нет, Москвин, так дело не пойдёт! Ты либо подчиняешься товарищу Басову и действуешь по инструкции, либо... – Петров побарабанил крохотными пальчиками по столу. – Либо мы тебя зааттестуем. Мы не подпишем тебе аттестацию. И пойдёшь ты, солнцем палимый, куда подальше, нигде тебя на работу больше не возьмут. Даже дворником!

Сергей прикрыл глаза, чтобы не видеть крохотные пальчики начальника, выбивающие тревожную дробь. Только сейчас Сергей понял, куда он пришёл и зачем. Он не выбирал отдел. Это отдел его выбрал. Но ведь Петрову это не объяснишь. Герман Викторович не поймёт.

– Пойми, Москвин, в нашей работе нужны результаты. Без них нам никуда. Вот никуда, и всё! Результаты, показатели – это цель. Это главное в нашей службе. Пока ты этого не поймёшь, ничего у тебя не получится. И кончай с двурушничеством. Брось сомнения! Иди работай, Москвин!

Наташа разливала дымящийся чай в две чашки. Она приготовилась быть жилеткой для Сергея, а если возникнет необходимость, то и подушкой. Москвин потянул носом воздух и поморщился. Наташа была доброй девушкой, но Бог обидел её умом. Она не учла разборчивый вкус Москвина. Сергей не любил чай с пряными ароматами. Девушка огорчилась. Она почувствовала, что промахнулась. Сергей Москвин не станет плакать и проклинать судьбу. Этот человек состоит из другой породы. Внутри у него железо. Он стальной человек. Наташа поставила чашки на поднос. Петров любит ароматный чай. Герман Викторович с удовольствием выпьет чашечку-другую. Наташа вошла в кабинет без стука, как к себе домой. Москвин проводил её тоскливым взглядом и поплёлся на поклон к товарищу Басову.

* * *

В коридоре было темно и дымно. Лампы, скрытые матовыми шарами с решётками, не давали света. В отделе крепко курили. Помещения отдела были окутаны густыми клубами дыма. Сергей закашлялся. Он не переносил табачный дым, так как в детстве переболел вос-

палением лёгких. Его еле вытащили с того света. Из закрытых кабинетов сочился дымок и доносились громкие голоса. Сергей остро почувствовал отчуждённость. За дверьми решаются какие-то непонятные задачи, о чём-то разговаривают, смеются, матерятся. Как это всё далеко от реальной жизни! Кому нужны эти секреты, тайны, недосказанности?

Товарищ Басов ждёт результатов собеседования. Он-то уверен, что Москвина уже уволили. После разговоров с начальником отдела редко кому удавалось остаться на службе. Уволенный из органов сотрудник лишался всего, даже будущего. Его не брали на работу после увольнения. Нигде. Даже дворником. Человек автоматически становился изгоем. Его вычёркивали из социальных списков. Сергей представил сумрачное лицо напарника по кабинету и решил выйти на воздух. Там можно отдышаться и успокоиться. Товарищ Басов подождёт. Густой дым щекотал ноздри и кружил голову. Сергей наугад нашёл дорогу к выходу. Самое страшное, что уволиться по личной инициативе нельзя. Органы не отпустят. Система крепко держит своих заложников. Она сама решает, кого и когда уволить, а кому остаться.

– Э-э-э, стой, это ты, Серёга? – донеслось из дежурной комнаты. Разогнав облако дыма, Москвин заглянул в окошечко. Дежурный сидел за столом и заполнял журнал. Перед ним стояла полная пепельница с окурками.

– Ты Москвин? Москвин, – спросил и сам себе ответил дежурный. – Я отмечаю прибывших и убывших сотрудников. Ты уже уходишь?

Сергей делано улыбнулся. Дежурный хотел разузнать, чем закончилась беседа с Петровым. Другого повода задать вопрос у него не было.

– Я хочу подышать свежим воздухом, скоро вернусь.

Они смотрели друг на друга и не понимали, почему всё так складывается. Дежурный видел своё предназначение в покорном исполнении воли начальства, а Сергей метался между двух огней. С одной стороны, он принимал службу такой, какая она есть, а с другой – его разрывало на части от суровой реальности. Вместо погонь и перестрелок он вынужден был проводить дни в одном помещении с неприятным ему человеком. Мало того что он безуспешно пытался приспособиться к Басову, так ещё и должен выполнять его глупые поручения, от которых выворачивает внутренности.

– А я Саша Москалёв. Работаю здесь уже пять лет. Дай пять!

Сергей протянул руку через окошечко. Они крепко сжали ладони друг друга, пытаясь проверить один другого на выносливость. Москалёв сдался первым. Саша отпустил руку Сергея и взмахнул рукой.

– Силён! Заходи, гостем будешь. – Саша подвинул стул. – Садись! У меня дежурство закончилось, а никто менять не хочет. По графику сегодня дежурит Вова Беспалов, но он заболел. Вот сию, отдуваюсь за всех.

– Давай я тебя сменяю! – обрадовался Москвин. Хоть один день он не увидит Басова. Нельзя упустить такую возможность. – Ты иди домой, а я подежурю.

Москалёв даже затрясся от негодования, услышав предложение Москвина. Это был самый плохой вариант. Хуже не придумаешь.

– Как у тебя всё просто! Ты не можешь дежурить в отделе потому, что не знаешь, что делать в ситуации чрезвычайного происшествия, и не сможешь предпринять ни одного законного действия. Ты пока вне закона.

– Почему?

Сергей удивлённо смотрел на Москалёва. Перед приёмом в органы его тщательно проверили, включая лояльность. Москвин всегда был патриотом своей страны. Неужели в отделе царит атмосфера всеобщего недоверия? Здесь собрались странные люди. Если не сказать больше. В отделе нет ни одного нормального человека. Кругом одни психи.

– Потому! Ты ещё стажёр. Ты не знаешь оперативной обстановки. Ещё не умеешь применять оружие. Пользоваться – да, умеешь, без этого тебя не приняли бы на работу. А вот

правильно применить не сможешь. Ты же не сможешь выстрелить в человека? Не в мишень, а в человека? Нет, не сможешь! Пока тебе этого не дано. И вообще, Серёга, ты странный парень! Ведёшь себя как расшифрованный шпион. – Понемногу запал у Саши погас. Его голос утих, глаза погасли, став обычными. Саша поморгал, прищурился и принял нормальный вид. Сергей состроил подобие улыбки, но у него ничего не получилось. Вышло как-то криво и нелепо. Он стиснул зубы и нахмурился. Москалёв, заметив попытки Сергея улыбнуться, громко фыркнул.

– Да ты не злись, не злись на меня! Я ведь правду говорю. Я всем говорю правду в глаза!

Москвин засмеялся, и он смеялся от души, искренне, забыв, что только что хмурился. Москалёв с удивлением посмотрел на него.

– Тебя ещё не били? – спросил Москвин, загоняя улыбку глубоко внутрь. Нельзя обижать Сашу. Он был единственным человеком в отделе, который заговорил первым. Может, он заставил себя заговорить, несмотря на общий настрой в коллективе.

– Нет, не били, – сердито буркнул Москалёв и покраснел, – но пытались. А я дал сдачи. За мной не заржавеет. А тебя, что, ещё не уволили? А ведь хотели! Говорили, что ты абсолютно бесполезный элемент.

– Как видишь, нет, – развёл руками Москвин. – Получается, что я – элемент чрезвычайно полезный. Только показатели придётся подтянуть. Товарищ Петров приказал.

– А-а, да какие там показатели! – вспыхнул Москалёв. – У меня три месяца глухо, как в бункере у Гитлера. Ни показателей, ни агентов, ни премий. Сижу, как кот в мешке. Мяукаю. А чего ты Германа Викторовича товарищем Петровым обзываешь? Если он узнает, по шее схлопочешь.

– Разве у вас так не принято? Я думал, что у вас нет имён, одни фамилии и товарищи. – Москвин удивлённо поднял брови. Табачный дым выедал внутренности. Москалёв непрерывно курил. Саша давился дымом, натужно кашлял, но, бросив одну сигарету в пепельницу, тут же тянулся за другой.

– Да-а, это всё товарищ Басов. – Саша взмахнул рукой с сигаретой «Космос», густо осыпав пеплом рукав пиджака Сергея. Бросился стряхивать, но лишь размазал по ткани серые полосы. – Наш Басов из старых коммунистов. Живёт прошлым. У него всё как при Сталине. Хотя, я думаю, Сталина он уже не застал, но очень его уважает. Хочет, чтобы мы служили, как тогда. А мы уже другие! И время другое! Мы не можем, как при Сталине, понять? Страна у нас другая!

– Да, да, понял, – совсем приуныл Москвин.

Жить в отрыве от коллектива трудно. Оказывается, всё здесь устроено не так, как хочет представить товарищ Басов. И как представлял себе Москвин. Они другие. Они не хотят брать на себя лишнее. А вдруг всё не так, как хочет представить третья сторона?

– Он же всех в отделе товарищами называет, а Петров злится. В стране перестройка началась, повеяли лихие ветры перемен, мы все живём в ожидании бури, а тут на горизонте товарищи нарисовались. Умереть – не встать! Скоро таких, как товарищ Басов, на фонарях будут вешать! Пачками.

– А как же поручения, разработки, операции? – пробубнил Сергей.

– А-а, да с этим-то всё в порядке, – присвистнул сквозь зубы Москалёв, – поручения и разработки утверждает Герман Викторович, а Басов постоянно у него трётся. Всё подписывает, утверждает, согласовывает. Он без разрешения руководства шагу не сделает. Старик боится ответственности. Он сильно напуган.

Сергей передёрнулся, вспомнив угрюмое лицо Басова. На запуганного старика он совсем не похож. Путаает что-то Москалёв, перекурил, видать.

– Чем же он так напуган? По его виду не скажешь, что он трусоват.

Москалёв презрительно фыркнул. Недаром опера не любит новичков. Они пока до сути дойдут, семь потов сведут у коллег по службе. Ничего не понимают. Ничегошеньки. А как

начнут говорить, только уши подставляй. Такие речи заводят, что страшно с ними в одном помещении находиться.

– Басов на службе больше сорока лет. Ему было чего бояться. А пугали его по-настоящему. Мы тебя тоже хотели напугать, да ты какой-то совсем торкнутый. Ну и не стали. Понадеялись на Басова. А дед перестарался.

Сергей нервно щёлкнул пальцами. Неужели всё так сложно? Казалось бы, пришёл человек на службу, дайте ему привыкнуть, научите азам, дайте практику, а потом спрашивайте. Так нет же, развели тут целую школу выживания. Как на зоне. Не опера, а тюремщики!

– Я не торкнутый! А товарищ Басов – настоящий коммунист! Я выйду на десять минут. От дыма глаза режет.

– Иди, сосунок, иди! Дыма он, видите ли, боится!

Сергей слышал за спиной недовольное ворчание Москалёва. Среди нелицеприятных высказываний «сосунок» было самым нежным, остальные находились за гранью понимания. Москвин бегом спустился по лестнице. Горб земли сочного зеленого цвета ярким пятном торчал среди серых домов. Старое бомбоубежище поросло густой травой, несмотря на майские холода. Сергей устало присел на лужайку. Придётся начать всё сначала. Сколько их было, этих начал? И сколько ещё будет? Ничего страшного. Очередное начало станет сто первым из тысячи запланированных.

Рядом завизжали тормоза. Во двор на всех парах влетели новенькие «Жигули». Сергей незаметно переместился в тень. Если оперативники увидят его, сидящего на корточках возле бомбоубежища, засмеют. Сергей видел, как парни выгружают вещдоки, как несут рации, поправляют кобуры и ремни. Кто-то проверил наличие патронов, кто-то передёрнул затвор. Всё скрежетало, лязгало, брэнчало. Сергей понял, почему отдел находится на отшибе. Здесь тихо и малоллюдно, в район старого бомбоубежища никто не забредает. Сюда могут спокойно приходиться по вызову доверенные лица и агенты, свидетели и подозреваемые. Здесь их никто не увидит. Секретное место! Тайное.

* * *

Сергей ходил в приёмную и полюбезничал с Наташей; в ходе беседы выяснил, что у товарища Басова есть имя. Обычное, простое, но добротное. Геннадий Трофимович Басов, тридцатого года рождения. Всё-таки застал старик Сталина. Как же без него? Басов пришёл на службу в восемнадцать лет, а это сорок восьмой год. Получается, целых пять лет Басов ходил на службу под зорким взглядом любимца всех времён и народов. Почти в пятьдесят лет сам напросился на Афганскую войну, но воевал недолго, до первой контузии. Несмотря на без малого сорок лет беспорочной службы, товарищ Басов умудрился дослужиться только до капитана. Балагур и весельчак с невыветриваемым запахом стойкого перегара Саша Москалёв уже в майорах ходит, а Басов, годящийся ему в отцы, майором никогда не станет. Это написано на его багровом лице. Кажется, Геннадий Трофимович знает об этом, но не сильно огорчается. У него другие ценности в этой жизни.

После беседы с начальником отдела Москвин поменял отношение к сослуживцу. Уважение ушло, вместо него осталась слегка высокомерная снисходительность. То есть снисходительность в чистом виде, но прикрытая маской подбострастия. Сергей по-прежнему ходил по адресам, но к Николаю Гречину Басов его больше не посылал. Понемногу Сергей забыл о Владе Карецком. Смешные слова о могиле с прилетающим каждый день голубем стёрлись из памяти.

Зато Герман Викторович Петров не забыл о напутственной беседе. Сергея Москвина перевели на венерические заболевания. В Уголовном кодексе страны 115-я статья была не на последнем месте. Показатели по этой статье делались легко и непринуждённо. Сто пятнадцатая считалась самой легкомысленной и удобной. На ней можно было жилы не рвать, нервы и

патроны не тратить, зато производственные показатели выстраивались ровными рядами сами собой. Геннадий Трофимович давал начинающему оперативнику Москвину адреса квартир, которые необходимо было проверить. В них скрывались лица, заболевшие сифилисом и гонореей. Они не просто скрывались, они продолжали преступную деятельность, то есть сознательно и с умыслом вступая в открытые половые отношения, эти люди стремились заразить как можно больше народу. Это было чем-то вроде спорта: мол, я заболел, но теперь я не один. Нас уже трое, четверо, пятеро. Двадцать пять. Пятьдесят. Пусть вся планета переболеет этой заразой, лишь бы не я один стал изгоем.

Для кого-то это была форма протеста, для кого-то орудие мести, а для прочих просто разврат. Все люди чем-нибудь болеют, а чем сифилис не заболевание? Оно точно такое же, как и другие болезни, и имеет право на существование. Пик заболеваний сифилисом пришёлся на прошлый год. Врачи говорили, что звёзды на небе так сошлись. Не было раньше бурных всплесков дурных болезней. В нынешнем же году учли статистику прошлого года, и 115-я статья стала в органах одной из приоритетных.

Адресов с венболями было много. Сергей ездил по всему городу в поисках заблудших душ. Опера не любила направление вензаболеваний, и, несмотря на лёгкость в получении показателей, оперативная машина на него не выделялась. Горюче-смазочные материалы списывались на другие составы преступлений. Если больной человек был изобличён в намеренном заражении, то есть в совершении преступления, и его задержание могло привести к аресту, тогда вызывалась дежурная машина из местного отделения милиции.

Сергей Москвин не жаловался на судьбу. Ну, не любят опера венбольных, а кто их любит? Он ездил по городу на общественном транспорте, неумоимо поднимался и сбегал по лестницам, мёрз на остановках, подняв ворот лёгкого плащика. Приближался июнь, а тепла так и не было. Холодная весна выдалась. Единственное обстоятельство, выведившее его из равновесия, была боязнь заразиться сифилисом. Оперативники сказали, что болезнь передаётся даже через рукопожатие. Сергей до помешательства боялся заразы. В кожно-венерологическом диспансере милосердные сёстры заметили его страх и посоветовали мыть руки хозяйственным мылом.

– А ты как домой придёшь, и сразу руки-то вымой! Только сразу мой, даже пальто не снимай. И смотри ничего дома не трогай грязными руками. Ни к чему не прикасайся. Намыль руки как следует и держи подольше под струёй воды. Мы все так делаем. А как руки вымоешь, тогда поймёшь, что ты в безопасности. И никакая болезнь тебе не страшна. После хозяйственного мыла ничего к тебе не прилипнет!

– Не может быть! – воскликнул Сергей, боясь присесть на стул, на котором только что сидел венбольной. – Не может быть. Мыло не спасает от спирохеты. Она выживет даже после атомного взрыва.

Медсёстры помрачнели и проводили Сергея в приёмную.

– Да на вас же лица нет! – с жаром набросилась на него главврач. – Вы же боитесь к столу подходить. Так вас надолго не хватит. Вы заболеете. Нельзя так, нельзя!

– Нельзя, – согласился Сергей, – нельзя.

Его брезгливость не прошла первые испытания. Работа превратилась в пытку. В больницах и по месту жительства больных его преследовали дурные запахи, он постоянно принюхивался к пассажирам в метро, пытаясь понять, мылись ли эти люди, и если да, то когда. В первые три месяца его рвало почти после каждого посещения квартиры больного, скрывающегося от советского правосудия. Кроме болезненных ощущений, ничего романтического и увлекательного в службе уголовного розыска Сергей не обнаружил. Он ещё не знал, что чрезмерно чувствительный нос в будущем сыграет с ним злую шутку. От постоянной беготни по улицам и лестницам ноги гудели, словно в них завелись пчёлы. От нудной писанины кружилась голова. Писать приходилось много. Сергей никак не мог научиться составлять рапорты

и отчёты о проделанной работе. Про Колю Гречина и Влада Карецкого Сергей не вспоминал. Они будто умерли. Иногда их лица мелькали в воздухе, как плавающие рыбы, они вперяли свои глаза в Сергея, словно хотели его убить. Но дальше пытливых взглядов дело не пошло. Сергей научился отмахиваться от навязчивых видений, а вскоре и вовсе избавился от них.

Наконец ему поручили дело, после которого его жизнь изменилась. Однажды товарищ Басов приказал найти неизвестный объект. В этом объекте всё было неизвестным. Неизвестно, где он проживал. Неизвестно, где он прописан или откуда приехал. Иголку в стоге сена найти было легче, чем человека без установочных данных в огромном миллионном городе. Сергей сначала не понял задания, а когда понял, то растерялся. Он никогда не найдёт этого человека. Это невозможно потому, что невозможно. «Надо предупредить Басова и Петрова о моей профессиональной непригодности, иначе они спохватятся первыми, – подумал Москвин, – тогда мне придётся туго. Вот тогда они меня и уволят по статье!»

Сергей хотел сходить на приём к Петрову, чтобы первым написать рапорт на увольнение, но передумал. Бесполезное дело. По рапорту его не уволят. Сотрудника могут уволить только по дискредитирующим мотивам. Москвин решил, что всё-таки будет искать человека-иголку. В конце концов, не объяснять же товарищу Басову про отсутствие установочных данных. Геннадий Трофимович и сам об этом знает. Если Москвин не найдёт неизвестного, его накажут. В органах принято наказывать за неисполнение задания. В этот момент он и станет свободным. Самым страшным наказанием в органах считается увольнение, но теперь увольнение не пугало Москвина. Незаметно для себя Сергей стал мечтать об уходе из службы. Ему здесь всё не нравилось. Всё. Служивцы, оружие, агрессия без причины, мат и ругательства. В кино показывали идеальных героев, чисто выбритых, трезвых, думающих, а в реальном отделе реального управления работали сильно пьющие люди, которые матерились с утра до ночи, а брились только перед совещанием в управлении. Резкий контраст между реальным и придуманным мирами пошатнул душевное здоровье Сергея. Он стал нервным и раздражительным. Исчезла его обычная уверенность в собственных силах, а твёрдые принципы куда-то улетучились. На службе они негодились. Здесь приживались приспособленцы и компромиссные люди. Сергей вспоминал свою прошлую жизнь и ужасался собственной наивности...

– А где лежит Ваня Чекомасов?

– В пятой палате. Только он ещё не пришёл в себя.

Сергей как замороженный смотрел на миловидную женщину в белом халате. Она быстрым почерком что-то писала в большом журнале, изредка поглядывая на Москвина.

– Он ещё без сознания?

– Что вы? С сознанием у Вани всё в порядке. Это заболевание другого рода. Он напуган и потрясён. У него психологическая травма. Его нельзя беспокоить. Ванечка – тонкий и нервный ребёнок!

Сергей наблюдал за летящим почерком симпатичной женщины. У неё в голове нервность Вани Чекомасова, а в углу кабинета стоят туго набитые авоськи. Видно, успела отовариться до прихода на работу. Или богатые подачки принесли благодарные родственники? Доктор заметила неприязненный взгляд Москвина.

– Нам по праздникам выдают спецталоны. Мы только сегодня майские отоварили. Хозяйственники запоздали с обеспечением. Праздники уже прошли, а мы только-только продукты получили. Где-то на складе пролежали. Хорошо, хоть не испортились. Всё у нас в порядке, товарищ оперуполномоченный, и с совестью, и с законом!

Сергей виновато улыбнулся. Ему стало неловко. Он заподозрил милую женщину в противоправном проступке лишь потому, что увидел сумки с продуктами.

– Вы проводите меня к Ване?

– Нет, я не могу! – резко бросила женщина. – Нужно заполнить журнал ночных дежурств. Пройдите сами прямо по коридору, и дальше направо будет пятая палата. Там есть дежурный пост. Попросите сестру, она вас проведёт.

Сергей покопался в памяти, пытаясь вытащить из забвения имя и отчество женщины-доктора, но не вспомнил, а записную книжку не захотел доставать. Ещё раз вздохнул, промямлил что-то невнятное, резко поднялся и вышел из кабинета доктора. Обойдя дежурный пост по периметру, он тихонько пробрался в пятую палату. На кроватях лежали мужчины, в основном молодые – от восемнадцати до тридцати. В углу белела светловолосая голова. Хрупкий затылок застыл в ожидании. Сергей почему-то решил, что это и есть Ваня Чекомасов.

– Ты Ваня?

Мальчик повернул голову и кивнул. В глазах плескался страх. Сергей поморщился. Чего боится этот подросток? Не такой уж стажёр Москвин страшный! Он открытый и улыбчивый, в данный момент без оружия, а в руках держит кулёк с пряниками. Не совсем презентабельный подарок. Кулёк небольшой, но неудобный, немнущаяся твёрдая бумага режет руки. С пряниками надоумил Саша Москалёв. Он откуда-то узнал, что Сергей едет в больницу к изнасилованному подростку, и посоветовал купить что-нибудь к чаю. Сергей послушался, а теперь не знал, как избавиться от ненавистного кулька.

– Ты зачем к мальцу лезешь?

Сергей хотел ответить резко и властно, но смутился, наткнувшись на непреклонный взгляд мужчины, лежащего на соседней кровати.

– Я из милиции! Вот моё удостоверение!

Москвин подошёл к кровати и ткнул удостоверением мужчине в лицо. Тот отшатнулся.

– Вы его не мучайте, пожалуйста! У него и так вся жизнь наперекосяк.

Мужчина отвернулся к стене, а Москвин присел на край Ваниной кровати.

– Ваня, вот тебе пряники. Поешь, когда захочешь!

Сергей наконец-то избавился от серого кулька. Как только он положил пряники на тумбочку, ему стало легче. Осталось стряхнуть руки и выровнять дыхание.

– Расскажи, Ваня, как всё случилось!

Ваня снова лежал лицом к стене. Нервный затылок на секунду замер, затем снова задрожал. Сергей понял, что ему не повезло. Ваня не скажет ему ни слова. Сергей хотел положить руку на одеяло, но испугался и передумал. Ваня может закричать, заплакать, заголосить. У него нервный срыв. Два месяца назад в бане в районе Кузнечного рынка пятнадцатилетнего Ваню изнасиловали в парилке. Это был неизвестный объект с неустановленными данными. Иголка в стог сена. Ваню Чекомасова отвезли в больницу и уже здесь установили, что насильник заразил подростка сифилисом. Сергей сидел на кровати и чуть не плакал.

Москвин опять метался между двух огней. Ему было жаль Ваню, но себя он жалел больше, чем пострадавшего подростка. Москвин понимал, что насильника не найдёт. Его невозможно найти. Все присутствующие в тот момент в бане уже опрошены, допрошены и отпущены. Ванины родители слишком простые люди, от страха у них исчез дар речи, сейчас они совсем не могут разговаривать. Они даже не понимают толком, что случилось с их сыном.

– Ваня, ты можешь говорить? – прошептал Москвин и затих, чтобы лучше слышать.

– Могу, – тоже шёпотом ответил Ваня.

– Что случилось там, в бане?

– Я уже всё рассказал!

Ваня перекатился на другой бок и сел на кровати. С высоко закинутой головой и горящими глазами, мальчик выглядел потрясающе красивым. Сергей отшатнулся и зажмурился. Ваня был не просто Ваня. Несчастный подросток обладал редкой красотой. Его лицо было прекрасно. Оно поражало всем: цветом кожи, формой скул и носа, очертаниями губ. Лёгкий пушок вился над верхней губой и на шее. Волосы скручивались в игривые завитки. Необычное

лицо притягивало взгляд. Трудно было оторваться от него, настолько оно погружало в себя, как в омут. В природе и жизни такие лица встречаются редко. До сих пор Сергей не видел ничего подобного. Он смотрел на Ваню и не верил своим глазам. Даже в кино нет таких. Это икона. Нет. Не икона. Божья рука создала редкий экземпляр красоты. Создала бездумно и бессмысленно. В обычной жизни такая красота не приживается. Она не нужна человеку в этом качестве.

– Почему ты в бане был один? Ты же всегда ходил с отцом, – заикаясь, просипел Сергей. Он прокашлялся, прочищая горло. Но сипение не прошло.

– Не всегда, иногда мы ходили порознь. Всё было нормально!

Ваня говорил спокойно, без внутренней истерики. И от этого его лицо ещё больше пошло. Оно словно преобразилось в один миг. Изнутри проникал свет, освещая глаза и скулы. С Ваней невозможно было говорить. Красота призывала к молчанию.

– А ты видел этого, этого? – Сергей едва шевелил языком. Чужая красота давила на него невыносимым гнётом. Он так и не смог обозначить преступный объект каким-нибудь словом.

– Нет, не видел! В парилке было темно. Он подкрался сзади.

Ваня почти кричал. Его злили вопросы, на которые он не знал ответов.

В палате стояла напряжённая тишина. Мужчины старательно делали вид, что спят, но все зорко наблюдали за Сергеем. Мужчины, попавшие волею судеб в кожно-венерологическую больницу, считали себя жертвами обстоятельств, но красивый юноша стал для них образчиком трагедии. Каждый видел себя на месте Вани. И каждый ему сочувствовал. Все готовы были перегрызть глотку любому, кто хоть намёком мог обидеть мальчика.

– Он сразу ушёл, а я упал. Я ничего не помню. Меня вынесли в раздевалку. Потом вызвали скорую и милицию. Всё!

Ваня лёг и отвернулся к стене. Сергей понял, что никакая магическая сила не сможет поднять подростка во второй раз. Он будет лежать до скончания века. Сергей хотел спросить про других посетителей бани. Почему никто не пришёл на помощь, не отбил его у насильника? Подумав, Сергей понял, что и на этот вопрос у Вани нет ответа. И никто не сможет на него ответить. Это самый бесполезный вопрос по данному уголовному делу. Его может задать человек, не имеющий к оперативной работе никакого отношения. Сергей протянул руку, чтобы погладить Ванино плечо в знак прощания, но отдернул её, испугавшись собственного порыва. Сейчас любое мужское прикосновение может стать для Вани ещё одной тяжёлой травмой.

Москвин с трудом поднялся и вышел из палаты, буркнув через плечо слова прощания. Они предназначались для больных мужчин, получивших в процессе многотрудных поисков любовных приключений чрезвычайно легкомысленную, но тяжёлую и коварную болезнь. Сергей не пошёл к милой женщине в белом халате. Она была права. Ваню надолго вышибло из жизненной колеи. Хорошо, если он останется жить. Хорошо. Но есть одно но. Если он останется в живых, то сломается. С такой красотой невозможно прожить обычную жизнь. Она будет заполнена до краёв колдобинами и буераками.

В больничном парке раздавался птичий гай. Весна полновластно захватила свои владения. Деревья покрылись изумрудной зеленью, ещё не заплётённой, свежей и сочной. Вовсю цвели ивы. Под ногами хрустел гравий, сплошь покрытый тонким слоем песка, кое-где поросший проплешинами клевера. На полянах светились яркие солнышки одуванчиков. Сергей прислонился к старой ели и, прижав ладони к замшелым бокам дерева, заплакал, вспомнив невыносимую красоту Вани Чекомасова. Как могло случиться, что в рабочей пролетарской семье, где по субботам всей семьёй ходят в баню, а по воскресеньям пьют и гуляют, чтобы в понедельник проснуться в пять утра и пойти на смену на завод, могла появиться и вырасти редкая человеческая особь? Сергей вспоминал лицо Вани, и рыдания усиливались. Он никак не мог понять, откуда берётся красивый человек и зачем он рождается, если у обычных людей при его виде появляется желание растоптать и унижить Божье творение? Когда рыдания стихли,

Сергея вырвало прямо на сочную зелень парковой травки. Из него хлестали рвотные струи, поливая свежий газон отвратительными желудочными соками. Сергей смотрел на зловонную жижу под ногами и думал, что больше никогда не сможет есть обычную пищу, он не сможет проглотить даже куска хлеба, не говоря уже о мясе.

С этой минуты Ваня для него стал мучеником, а сам Сергей изгоем. Москвин ненавидел сослуживцев неизбывной ненавистью. Не только Басова, но и Москалёва, Петрова и всех остальных. Они стали чужими для него. Он никогда не станет для них своим. Это был тупик, из которого никто из них не найдёт выхода.

* * *

Коридор казался бесконечным. Сергей хотел проскочить мимо дежурки, чтобы ни с кем не встречаться, но его окликнули: «Э-э-э-э, молодой, иди сюда!» Сергей обернулся. На него, улыбаясь, смотрел Беспалов. Пистолет в кобуре, на поясе рация. Весь чумазый, но на лице приятная улыбка, серые глаза сияют, ничего враждебного. Сергей, взмахнув рукой в знак приветствия, подошёл поближе.

– Не хочешь помочь?

Сергей снова взмахнул рукой, не зная, что сказать. Он никогда не отказывал в помощи людям. А тут соратник по службе просит помочь. Значит, надо помочь!

– Заходи!

Беспалов распахнул дверь в кабинет и впустил Москвина. На полу, на столах и стульях валялись разнообразные предметы, явно имеющие отношение к вчерашнему задержанию. Какие-то мешки, пакеты, бутылочки с клеем и папки с бумагами. Старые поношенные вещи, куртки, пиджаки. Много посуды; банки, стеклянные и пластмассовые, бутылки, пустые и с жидкостями. Особенно поражал воображение эмалированный таз. Он настолько не вписывался в казённую обстановку кабинета, что выбивался из общего колорита. Таз стоял в центре помещения. В нём находилось какое-то вещество растительного происхождения.

– Это анаша! – со вздохом произнёс Беспалов. – Изъяли на рынке. Из Чимкента привезли. Ядрёная!

– А почему она в тазу? – спросил Москвин, присаживаясь на корточки.

– Так в тазу и лежала. Не нашли ничего такого, чтобы пересыпать. Там суета такая, рынок, люди снуют, а мы обыск производим! Ты ещё не понимаешь! – Раздосадованный Беспалов отвернулся от Сергея.

– А что я должен сделать? – Сергей взял щепотку и растёр вещество пальцами.

– А, вот, держи, пересыпь в наволочку. Я на рынке в берлогу одну залез. Лежбище кто-то устроил в закутке. Пододеяльник взял и наволочку. Держи, должно влезть.

Сергей неумело перебирал наволочку, не зная, каким образом приступить к пересыпке вещества.

– У тебя руки в каком месте растут? – набросился на него Беспалов. – Вот, смотри! Это отверстие. Берёшь таз и переворачиваешь. Потом опечатаешь наволочку.

– Как это? – растерялся Сергей.

– Так это! – передразнил Беспалов. – Вот, держи, это печати. Завязываешь наволочку и заклеиваешь печатями.

– А чьи тут подписи? – Сергей поднёс листок с наштампованными печатями ближе к свету.

– А, да это наши понятия расписались, – хмыкнул Беспалов. – Я много наштамповал. Не буду же я искать понятий по всему рынку. У нас свои имеются.

– А как же закон? Конституция? – Сергей бросил листок на стол.

– Ты работай давай! Обещал помочь, так помогай! Не пей из меня кровь.

Беспалов вытащил пистолет из кобуры, разрядил и принялся считать патроны. Наволочка не вмещала содержимое таза. Сначала Сергей хотел опрокинуть его целиком, потом испугался, что вещество рассыплется, и принялся пересыпать его горстями, пока не набил наволочку доверху.

– Там осталось, не влезает, – сказал Сергей, вырезая печати с подписями понятых из бумаги.

– И отличненько! Давай сюда!

Беспалов пересыпал остатки в небольшой мешочек и спрятал в сейф. Он повернул ключ, но не закрыл.

– А это зачем? – Сергей кивнул на сейф.

– На всякий случай! Не всегда же везёт так, как вчера на рынке. Иногда приходится хитрить во имя торжества твоей Конституции.

– Это как?

– Ты совсем зелёный, как крокодил Гена! Так это! Иногда приходится подсыпать, чтобы не упустить сбытчика. Они, знаешь, какие твари! Они же детей на наркоту сажают. С ними надо вести себя так, как они с честными людьми поступают.

– Ты сволочь! – спокойно и весело сказал Сергей, ощущая, как внутри зарождается храбрость. Страх не было. От ощущения внутренней справедливости стало тепло. Щёки разгорелись. Беспалов внимательно посмотрел и сказал, покусывая губы:

– Щас Москалёва позову!

Он вышел, его долго не было. Сергей, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре, повернул ключ в сейфе, взял мешочек и высыпал вещество в открытую форточку. За окном взметнулась пыльная туча. Раздался телефонный звонок. Это звонил дежурный: наверное, увидел, как из окна кабинета Беспалова вылетают изъятые наркотики. Тут же в кабинет влетел Беспалов. Он оглядел Москвина, перевёл взгляд на открытый сейф и всё понял.

– Вот ты как, крокодил Гена! Я тоже тебя уделаю! Жаль, что Москалёв сейчас занят, а то тебе хана наступила бы! За такие дела по роже бьют, но я поступлю иначе. Мы с тобой силой померяемся!

Беспалов сел за стол и поставил правую руку на локоть. Сергей принял вызов. Он сел и сжал ладонь Беспалова, внутренне понимая, что сейчас он должен выиграть поединок. Это его долг во имя будущего. Они долго боролись, не спуская друг с друга испытующих глаз. Сначала побеждал Беспалов, но в какой-то момент он упустил первенство в борьбе. Сергей с шумом обрушил его руку на стол. Беспалов почти ослеп от ярости. Он смотрел на Сергея невидящими глазами и широко разевал рот, не в силах что-либо произнести. Москвин пришёл ему на выручку.

– Я ничего никому не скажу! Не бойся! Вот наволочка с анашой, она опечатана!

Москвин поставил опечатанный мешок на стол, вытер тряпкой руки и вышел, громко хлопнув дверью. Жаль, что про его детдомовскую жизнь в отделе не знают. Если бы знали, не стали бы с ним связываться.

Часть вторая

На берегу Оби стоял крепкий двухэтажный дом за высокой, но непрочной оградой. Капризная северная река дважды размывала берег, но его всякий раз укрепляли щебёнкой и досками. Все, кто смотрел на дом, мысленно прощались с ним. Уж очень он был похож на покойника. Река давно хотела утащить его к себе. Видимо, нравился он ей или она хотела отомстить ему за что-то, неведомое обычным людям.

Раньше в нем жили поселенцы, они его и построили, потом была тюрьма, а после войны дом на берегу заселили детьми. Сначала здесь жили круглые сироты, в основном дети фронтовиков, павших в боях за Родину. В те послевоенные времена государство отоваривало детдом по первому разряду. На фронтовых сирот страна не жалела казённых денег. Потом стали подвозить детей матерей-одиночек, а позже доставляли всех, кто попал в поле зрения органов социального обеспечения. Постепенно детдом перешёл во второразрядное детское учреждение, а ещё позже скатился на самую низкую ступень.

В шестидесятые стали привозить не только сирот, но и детей, чьих родителей лишили родительских прав, и тех, кого не отправили в спецшколы и спецПТУ. Зачастую оформление малолетнего правонарушителя в специальное режимное заведение требовало уймы бумаг, нужных и ненужных, и, чтобы не тратить время на нудную волокиту, детские инспекторы определяли их в обычные детские учреждения. Кормили детей не очень плохо и не очень хорошо. В основном держали полуголодными. Повара тайком уносили по домам детское питание, а на стол ставили тарелки с отварной картошкой и пустым супом. Впрочем, детей было немного, всего шестьдесят человек, хотя штат учреждения рассчитан на приём ста двадцати сирот. Обслуживающий персонал и педагоги постоянно ждали пополнения, и оно ежедневно прибывало, но тут же бесследно исчезало. Дети убегали после первого посещения столовой, затем их подолгу отлавливали, находили, возвращали. На всё это тратились силы, средства, здоровье. Движение шло по кругу, хотя в детском коллективе оно должно развиваться по спирали, ведь дети имеют тенденцию к постоянному росту. Именно в этом детском доме дети росли плохо. Медсестра долго устанавливала муфту с планшеткой на ростомере под тщедушного ребёнка то ли восьми, то ли десяти лет, но он сжимался, ёжился, и получалось, что совсем не вырос за два месяца.

– Ты стал ещё ниже, чем в прошлый раз. Усох ты, что ли? – в сердцах крикнула медсестра.

– Не усох я! Не усох. Я нормальный! – обиженно крикнул Серёжа Москвин. Он был маленький, щуплый, но жилистый. Ему не нравилась детдомовская еда, а другой здесь не было. Серёжа никогда не наедался досыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.